

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

11569/2

<36617940130010

<36617940130010

Bayer. Staatsbibliothek

1832

2. 11, N 19

2. 12, 1. 21 - 23. 24

ТЕЛЕСКОПЪ

БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
М. В. Д. Р. У. С. С. Р.

СОВРЕМЕННЫЙ ДУХЪ

АНАЛИЗА И КРИТИКИ. а)

Анализъ господствующей; критика царствующей; розыскъ введенъ повсюду. Общество совѣщается, вслушивается, щупаетъ само себя, если можно употребить сіе выраженіе. Знаете ли почему? Потому, что оно не здорово. Это самоиспытаніе есть уже признакъ болѣзни. Можетъ быть, оно когда нибудь доставитъ ему необходимое лѣкарство. Можетъ быть, позволено ему будетъ наконецъ жить жизнью наспоющей, дѣятельной, могучей, а не лихорадочной, спрдапельной, совершенно крипической, исполненной

а) Помыщаемъ сію статью, изъ *Эдинбургскаго Обозрѣнія*, какъ живую, искреннюю, сердечную исповѣдь современнаго Европеизма, глубоко чувствующаго свое внутреннее расплывіе и заслуженныя бѣдствія, отъ которыхъ благій Промыслъ да сохранитъ навсегда наше любезное Отечество! Изд.

Телеск. Ч. 11

19

БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
М. В. Д. Р. У. С. С. Р.

511921 2392 Google

любопытства и неизвѣстности, безплодной дѣлами и лишенной энергіи. Когда оно переспанетъ вытѣдываясь свои раны и наблюдать бѣненіе своего пульса: здоровье его, безъ сомнѣнія, возстановится.

Вы принимаете за признакъ хорошаго состоянія, за надежду жизни, это всеобщее испытаніе; и вы сильно ошибаетесь. Человѣкъ здоровый не разбираетъ себя съ такимъ спокойнымъ вниманіемъ: больной человѣкъ смущается и допрашиваетъ самъ себя. Слѣдуетъ ли жизненная сила своему нормальному и естественному печенію? Она не напоминаетъ намъ о своемъ присутствіи. Но какъ скоро неправильность вкралась, мы ее чувствуемъ; она напоминаетъ намъ, что мы имѣемъ шло брешное; спраданія извѣщаютъ насъ, что мы существуемъ. Выступаютъ ложные центры чувствительности; пораженный органъ, кажется, одинъ составляетъ все наше существо; обнаруживается болѣзненное раздраженіе; гармоническое равновѣсіе нашего организма разрушается. Прежде мы жили, нисколько не углубляясь въ явленіе жизни; дѣйствія нашихъ органовъ совершались безпрепятственно. Глаза наши глядѣли, уши слышали, мы ходили, бѣгали, бросались на все, ни о чемъ не думая, и исполняли только велѣнія нашей внушенной воли, царицы-всемогущей. Но не помнитъ въ своей жизни эпохи, когда

бышше, во всей самопроизвольности, кажинная пакъ легкимъ, пакъ инспинкпуальнымъ, чтоо человекъ слѣпо предается своему влеченію, самъ себя не замѣчая, не размышляя, не ведя никакихъ расчетовъ? Рѣдкія минушны! Совершенное согласіе всѣхъ соопавныхъ часпей нашего бышшя тогда разрѣшается въ полное цѣлое: мы здоровы и цѣлы, какъ говоритъ народъ. Цѣлы! Пусть хорошенько вникнуть въ это характериспическое слово; никакая выходка не разрушаетъ сей гармоніи своимъ разспроемъ, даже самая яркая. Нѣтъ раздробленія, нѣтъ размученія, нѣтъ контраста; все идетъ тѣмъ же шагомъ; дивная гибкость чувспвованій еспъ слѣдспвіе подобнаго соспоянія, копорого наслаждение тѣмъ полѣе, чтоо оно не знаетъ само себя и счаспие его въ шомъ, чтообъ не знаетъ себя. Единспво шихо и безмолвно. Разспроенности, несогласію, прилично смяшеніе, шумъ, сраженіе идей, анализъ ихъ разсѣкающій, крипика разлагающая и взаимно другъ другу прошивуполагающая. Анапомія подвергаетъ тѣло оспрію желѣза; мепашизика впускаетъ свой умспвенный рѣзецъ во глубину души. Безъ сомнѣнія онъ полезен: но доставляютъ ли намъ наслаждение? Нѣтъ: онъ дѣлаетъ какъ бы послѣднюю завѣщную опись нашихъ умспвенныхъ и физическихъ силъ, копорыя пошрлсены и конхъ брениость чашъ ужасаетъ. Одно сознаніе зла и нужда ему

пособить выводять на свѣтъ науку и ея грозный анализъ.

Эпоха, преимущественно преданная крипикѣ, по необходимости есть эпоха спрадания. Нужны прорывы, видъ смерти, обрывки разсепанныхъ волоконъ, опорванныхъ жилъ и прерывающихся мышцъ, на мраморномъ сполѣ анаптома. Необходимо должна спрадать какая нибудь часть насъ самихъ, чтобы почувствовать нужду раздѣлений, подраздѣлений, наблюдений, медицинскихъ сообщаній, ученой или сварливой криптики. Во время язвы бываетъ изобиліе во врачахъ; во время нравственного разстройства—въ профессорахъ нравственности. Наконецъ, когда все обращается въ бесплодную криптику, должно признаться, что наступило время оприцательное, время перелома и боли, одна изъ пѣхъ минуть, когда больной шепотомъ возвращается къ своей постели, упорно испытывая всѣ положенія, какія только можетъ принять, и не могши, какъ выражается Дантъ, *стряхнуть съ себя иго утомленія, которое все больше и больше бременитъ его!*

И такъ аналитическая наука, въ своемъ заключительномъ господствованіи, есть признакъ скорби и болѣзни. Къ счастью, она сама приноситъ намъ прошивъ себя лѣкарства. Рожденная чувствомъ размноженія, она ищетъ его утѣ-

лишь и восполнишь. Тогда появляются теоріи и системы. Все становится систематическимъ и механическимъ. Медикъ вамъ объявляетъ, что организмъ вашъ порпится; Оспроумное приложене законовъ механизма, соображеніе иногда необширное, но часпо полезное и благотпелное, идетъ на встрѣчу опасностямъ, опкрытымъ наблюденьями, кои наводятъ страхъ. Вотъ все, что можетъ тогда человекъ! Посмотрите на Воспочную Имперію: со времени послѣднихъ Императоровъ Рима до рожденія феодализма, нравспвенность не сущесвуетъ; общесво, пакъ сказаъ, вышибено изъ своихъ сусавовъ; древнія вѣрованія слабѣютъ, папріопизмъ замеръ; подлосъ эвнуховъ возсѣдитъ на пронѣ. Чпожъ дѣлаютъ философы и метафизики, сіи нравспвенные врачи человексва? Они крипикують, шолкують, судятъ. Эпо эпоха схолисповъ въ липпературѣ и богослововъ въ религii. Все, что доспалось намъ отъ сей эпохи, еспъ чиспо крипическое и полемическое. Христіане и язычники упрасили даръ шворчессва и самопроизвольности; самые лучшіе между ними сущъ шолько добрые подражатели и добрые крипки. Вспряхиваютъ пылъ временъ прежнихъ, переворачиваютъ шрупъ древняго генія; искусспвенность царсвуетъ въ поэзіи и въ краснорѣчii; безмѣрная ученосъ еспъ ничпо иное, какъ арсеналь, опкрытый для всѣхъ сектъ, кои

нищать въ ней шапокъ и копій, доводовъ оборонительныхъ и нападенныхъ.

Не будемъ смѣшивать крипическія эпохи съ эпохами творческими. Сіи послѣднія могутъ не знать себя, какъ здоровый чловѣкъ не думать, что онъ здоровъ, и не разсуждаютъ о своемъ естественномъ состояніи. Первые никогда не забываются; онѣ имѣютъ сознаніе о своихъ средспвахъ, потому что имѣютъ пайное и темное сознаніе о томъ, чего имъ не достаетъ. Однѣ являютъ, другія обдѣлываютъ; однѣ видятъ, другія подражаютъ. Здѣсь глубоко вкорененная нравственность; тамъ пустословіе угнетеннаго правоучія. Съ одной стороны познаны глубокій и сильный разумъ, съ другой хитрое умничанье. Организовъ въ первомъ изъ сихъ періодовъ, механизмъ во второмъ. Первый обилень мыслями, разрывающимися въ дѣйствія; второй мечтани и демонстраціями, которыя пожираютъ сами себя въ безоправднй пустотѣ; судятъ, спорятъ, ухищряются, бьются на силлогизмакъ и теоремакъ, когда истинное мышленіе изсякло. Наконецъ художникъ, пріемлющій свѣтлыя вдохновеніе и невольно его передающій, не знаетъ своего посольства и полномочія, между тѣмъ какъ знапокъ, лѣбишель, собирашель древностей, пертливый схолиастъ, бросаетъ

покойный и самодовольный взглядъ на свои богатства, объемлетъ ихъ единымъ взоромъ. Одинъ не вѣдаетъ себя; другой знаетъ, чего онъ достоинъ, и увеличиваетъ цѣну самаго себя. Когда свѣтитъ солнце, вы наслаждаетесь свѣтомъ, васъ окружающимъ, не думая благословлять свѣтило, распочающее тепло и сіяніе. Только, во время ночи, ваши взоры обращаются на свѣчи и кристаллы, разливающие свѣтъ поддѣльный, не надежный, пусклый.

Однимъ словомъ, самопроизвольность не существуетъ для великихъ поколѣній, подавленныхъ тяжестію воспоминаній. Тогда талантъ приспально вырабатывается свои швыренія, застываетъ ихъ придуманными недоспелками и красками; здѣсь бросаетъ тѣнь, память сыглетъ спранныости, и проспираетъ уродство подражанія до того, что передражняетъ свободную походку и проспогу теня, какъ слуга корчинъ большого господина. Думаете ли вы, что Шекспиръ удивлялся, произведши Гамлета, или Ньютонъ сморѣлъ на свои открытія и опыты, какъ на невѣроятныя усилія? Напротивъ, Шекспиръ до того не зналъ себя, что своимъ драмамъ, кои бросалъ, какъ насущный хлѣбъ, актерамъ, предпочиталъ дурныя лирическія спиховоренія, напечатанныя имъ со всею роскошью. Ньютонъ говаривалъ: «я провелъ жизнь въ собираніи нѣсколькихъ раковинъ,

разсѣянныхъ по берегу! Онъ опдалъ бы свою Теорію Свѣта за Теорію Апокалипсиса. Между нами нѣтъ ни одного мѣлкаго поэта, которъ бы не зналъ о себѣ съ удивительною вѣрностію, чего онъ спомнѣ, которъ бы не клонялся вокругъ своего шворенія, едва высиженнаго, и не носился бы съ нимъ, какъ курица съ яйцомъ! «Пожалуйте, вопъ образцовое швореніе! но эпо еще одна часъ изъ моихъ образцовыхъ швореній! Выслушайте мою теорію, послушайте, добрые люди, послушайте! Возвышенное есѣ моя цѣль; я ее достигнулъ; я эпо доказываю!» а).

Пройдите всѣ подраздѣленія науки и искусства; и вы увидите, что истинная сила самопроизвольна и самой себѣ невѣдома. Думаете ли вы, что діалектикъ, владѣющій всѣми снарядами риторики, хозяинъ Аристотелевыхъ категорій, дивный боецъ школы, спомнѣ просполодина, коего спрасѣ вооружила краснорѣчіемъ! Попробуйте свеспи схоластика, самаго упонченнаго, съ невѣждой, которъ не думаетъ ни объ дилеммѣ, ни о посылакахъ; пусть эпо невѣжда будетъ защищаться; пусть сіе защищеніе воспламенитъ его духъ и подниметъ его мысль: тогда увидите, чья возьметъ!

а) Какъ спрашно! Подумаешь, что Англійскій сочинитель читалъ Русскіе журналы! *Изд.*

Воззрѣніе, истинное могущество духа, не должно смѣшивашь съ механическому способноію обо всемъ умничапъ. Умники мало успѣвають въ жизни; ихъ теоретишки разшибаются въ прахъ о твердую вещественность міра и бытія; вся системапическая бодроспъ ихъ замолчипъ и угаснепъ, когда придется къ дѣлу. Да и въ самыхъ спорахъ, одного факта, одного дѣльнаго понятія доспапочно разорипъ всѣ ихъ карпочные домики. Посмоприпте на эспихъ спарыхъ схоласпиковъ, богомольцевъ испицины, совѣспливыхъ, искусныхъ, ученыхъ: чпо они сдѣлали? Къ чему послужила ихъ еспеспвенная сила, ихъ усилія, ихъ вѣра, уединеніе, воображеніе, опвлеченіе ихъ мыслей? Чпо спалось съ Докшоромъ Неопровержимымъ? Гдѣ теоріи Докшора Серафимскаго? Дыханіе вѣтра ихъ умчало. Они уже не болѣе, какъ пуспые призраки и дальнія облака! Безъ сомнѣнія, у нихъ было много идей; разумѣніе ихъ не было праздно. Но оно не достигло предположенной цѣли; по повѣсясь на одной идеѣ, по балансируя на цѣпи силлогизмовъ, эспи плясуны, своими прыжками на канавѣ логики, дивили свѣспъ; но результапъ ихъ усилій удивительнo ничпоженъ. Королларіи, дилеммы, подраздѣленія, доводы, масперская ломка мыслей, нынѣ возбуждаюпъ только жалоспъ и презрѣніе. Одно слово Наполеона, одинъ спихъ Данша, одна

фраза Люпера, говорятъ больше, съ большею внезапностью раздраяють покровъ истины. Эпопъ молодецъ, выплывающій Пиррическій плавецъ, правду скажетъ, удивляетъ: но предъ непріятелемъ, его ловкость и гибкость бесполезны; положишесь лучше на эпюго могучаго ценшурюна: онъ не умѣетъ такъ ловко выкидывать воинскія движенія, за что знаетъ, какъ владѣть мечемъ и вонзить его въ непріятеля.

Между краснорѣчiemъ и рипорикой даже разнища. Рипоръ вамъ доказываетъ, что вы должны были убѣждены; орапоръ васъ убѣждаетъ. Одинъ разкладываетъ передъ вами свои знанія и средсва, другой васъ увлекаетъ за собой. Какую форму ни прими человѣческое разумѣніе, всегда придетъ къ сей неизбѣжной классификаціи, къ сему раздѣленію и конспраспу: съ одной спорны проспопа, самопроизвольность, съ другой искусственность, сложность, механизмъ. Въ слогѣ выпуклая фраза, надъ копорою мы долго думали, естъ почти всегда принужденная фраза; въ жизни, качесва, кои мы копимъ выказатъ, сунъ птъ, копорыхъ мы не имѣемъ.

Человѣкъ истинно добродѣтельный дѣйствуетъ съ благородствомъ; его честность инстинктуальна, его великодушіе течетъ прямо изъ испочанка: ложный герой обсуживаетъ свою добродѣтель; онъ полкуетъ свой героизмъ. Въ птъ времена, когда самопожертвованіе соспавляетъ

общій характеръ, оно возбуждаетъ мало удивленія: оно происходитъ изъ организаціи самаго общества. Когда напрошивъ почташь мораль, когда системапизируютъ душевныя качества, тогда онѣ едвали не оспаюцца въ однѣхъ псо-ріяхъ. Во времена рыцарей храбросць была всеобщимъ качествомъ. Когда сіе обширное христіанское и военное общество погасло, тогда щекопчивость чеспи, пародія храбросци, овладѣла нравами. Она получила свои правила, свои принчіи, свои предѣлы; храбросць обратилась въ науку. Нашли средство быти прусомъ безъ пошери чеспи: продолжительное ученье въ фекшповальной залѣ и почное знаніе законовъ поединка дали возможность самому негодному прусу прослыть за храбреца.

Царство нелѣпой сантиментальности, произведшее столько дурныхъ піесъ и жалкихъ романовъ, начинается съ эпохи развращенія и эгоизма. Испинныя спраспи, искренность чувствованій, уступили мѣсто обману движений нѣжныхъ и глубокихъ. Чувствование спало роскошь хорошаго вкуса; начали проповѣдовать филантропію, какъ предметъ изящества и приличія; человеколюбіе и благотворительность вошли въ моду. Распросише Вернера, Сен-Прё, всѣхъ эпихъ романическихъ героевъ, попребуише ошчепса въ ихъ чувствивительности; они будутъ ошвѣчать, что это болѣзнь: они быють себя по

бедамъ, если можно упошребить сіе народное выраженіе, чшобы не поперяшь навѣкъ чувствительности; ихъ воспорѣтъ еспѣ лихорадка; ничего нѣтъ искренняго, ничего свободнаго въ ихъ спрасяхъ. Эпи хворые спрадалицы чувствительности, самые безплодные и бездушные люди, опѣ раздробленія своего сердца и опѣ эгоистическаго самоупоенія, дѣлающагося неспособными ни къ какому мужественному дѣйствію, ни къ какому искренности и глубокому впечатлѣнію.

Заключимъ: все, что искусственно, машинально, ложно, еспѣ результатъ придуманнаго соображенія; все, что существенно, непринужденно, искренно, отличаетса самопроизвольностію и силою свободного порыва. Истинный геній добродѣтели дѣйствуетъ; ложный геній нравственности умничаютъ. Истинный талантъ, предается своему движенію; талантъ ложный самъ себя выискиваетъ. Здоровый человекъ ходитъ и наслаждается жизнью; человекъ больной горбитса самъ на себя. Нація, сдѣлавшаяся добычею внушреннихъ бѣдствій, оставляетъ въ испорці кровавый слѣдъ; нація мирная и благоуправляемая проходитъ незамѣтно.

Опѣ человека, разсмаприваемаго, какъ неделимое, перейдемъ къ человеку въ состояніи общественномъ. Собраніе, называемое обществомъ, образуетъ истинное плѣло, расположенное и къ болѣзни и къ здоровью. Дивный магнетизмъ

проводить между душами одну и ту же спрую движеній и идей. Одна и та же мысль, въ одинъ разъ поражая тысячи умовъ, приобретаетъ споричную энергію. Безнравственность, добродѣтель, патриотизмъ, сила умственная, сила воли, все, что въ отдѣльномъ человѣкѣ достигло бы только ограниченнаго развитія, здѣсь согрѣвается, одушевляется, возносится, расщепъ съ удивительной быстротою и силой. Отсюда чудеса Спарты и Рима; отсюда безчисленныя слѣдствія монашескихъ обществъ; отсюда легкость возвышенія и паденія, съ коею различныя націи достигали высшей степени величія или крайняго униженія. Невидимая электрическая цѣпь пробѣгаетъ всѣ общественныя сословія, отъ гражданина къ гражданину, отъ человѣка къ человеку, сожмкая ихъ, проливая одно и то же пламя, одушевляя или погашая искусства и науки, обращая всѣ мысли къ религіи или къ пользѣ, къ торговлѣ или къ войнѣ. Здѣсь духъ въпренности, тамъ гений завоеванія, въ другомъ мѣстѣ всеобщій эгоизмъ, поочередно дающъ свой цвѣтъ и кладущъ свою печать на общественныя нравы. Чудесамъ общественности должно приписатьъ все, что исторія имѣетъ презрѣннаго или великаго. Общество становится живымъ, собиравшимъ, энергическимъ неѣдимымъ, которое имѣетъ свою душу, свой умъ, свою мысль, свои

спраданія, свою внѣшнюю организацію и свой физическій механизмъ, свои періоды слабости, болѣзни, выздоровленія, здоровья, дряхлости и смерти.

Изучая сіе собирательное существо, мы увидимъ, что и оно подраздѣляется на двѣ части: одну инстинктивную, составляющую внутреннюю его сущность, другую искусственную и внѣшнюю. Когда движенія общества совершаются легко, тогда можно сказать: оно не чувствуетъ, что живетъ. Въспомогая, чтобы покориться мѣлочной критикѣ, оно дѣйствуетъ, наслаждается, развивается съ полною свободою. Единая первоначальная идея, родоупорное начало всей его жизни, распоряжается имъ; эту его душа: опсюда испекають всѣ его законы, всѣ постановленія, всѣ усилія. Сія первоначальная идея, общій родникъ всѣхъ общественныхъ движеній, преданность монарху, опеческву, постановленіямъ, вѣрованію, выражается шерминомъ почныхъ наукъ, есць совершенно динамическая. Здѣсь-то кроется жизненная сила. Тогда не нужно освѣдомляться, какъ общество существуетъ и сохраняется; не нужно съ почностью изучать всѣ его пружины, не нуженъ подробный разборъ его колесъ: довольно привести ихъ въ движеніе, потому, что онѣ исправны и идутъ сами собой. Таково общество въ его нормальномъ состояніи, въ его здо-

ровѣ. Но пусть оно сдѣлается искусственнымъ, пусть здоровая часть будетъ поражена, пусть окажется болѣзнь; тогда вы увидите, что дѣйствіе замѣнилось крипикой, искренняя и могущественная жизнь уступитъ мѣсто жизни спираданія, опыта, изслѣдованія.

Детей умираетъ; не пишутъ практическую патристическую. Карлъ Великій завоевывалъ Европу; мало говорятъ о рыцарствѣ. О религіи и ея обрядахъ менѣе всего разсуждаютъ въ обществѣ опшественниковъ. Когда общественное начало у каждаго на сердцѣ, оно выражается дѣлами, опражающимися въ поведеніи, и не радитъ о словахъ.

И такъ пусть эпохи крипики опшественно опдѣляютъ опъ эпохъ творчества. Въ сихъ послѣднихъ слабости и несчаствіе, неразлучныя съ природою человѣческой, окружаютъ насъ препяствіями и опасностями. Но не смотря на то, общество идетъ и достигаетъ своей цѣли. Есть труды, но есть и порожство. Есть сраженія, но есть и сила. Мышцы крѣпки, сердце бьется, энергія неодолима, общество не опшанавивается разбираться само себя. Не слышно, чтобы оно швердило о себѣ въ своемъ шествіи: «смотря, какъ всѣ мои движенія живы и ловки!» или: «смотря, какъ они шажель!» Этимъ мы нынѣ ежедневно занимаемся. Но погружившись въ наблюденіе самихъ себя,

имѣемъ ли мы доспапочно времени и силы, чшобъ дѣйснвовапъ съ душею сильною, съ героическою бодростію?

Когда добродѣтели, низведенныя до суешной видимости и наружнаго приличія, теряютъ вещьественность, энергію, жизненное могущество, то на мѣсто ихъ является призракъ, ихъ пародирующій, но не замѣняющій. Тогда нѣтъ болѣе папріопизма, гошоваго на самопожертвованія; а только папріопизмъ ложный, велерѣчивый на похвалы самому себѣ. Поэтовъ нѣтъ, а только спихотворцы; нѣтъ истинной логики, а только лжемудрая діалектика; нѣтъ истинныхъ и глубокихъ чувствованій, а только чувствительность поддѣльная, порывы романическаго великодушія. Хотяпъ сиснемапически быпъ добрыми, великодушными, вдохновенными; инспинкптъ къ добродѣтелямъ исчезаетъ; его усиливаются замѣнить анализомъ. Существенность уступаютъ мѣсто обману. Краснорѣчіе есть не болѣе, какъ призракъ краснорѣчія; самая любовь, по выраженію Драйдена, не болѣе, какъ нарисованное пламя, не имѣющее теплоты. Крипика овладѣваетъ высочами общества; она паетъ располагаетъ и господствуетъ. Возникаютъ многочисленные секпы; утонченныя теоріи правятъ липерашурой; раздѣляются, ссорятся, доказываютъ, громоздятъ мудрованія на мудрованія!

Нельзя ли распространить сіе изслѣдованіе на всѣ сферы, опыскавъ ту же противоположность организма и механизма, шворчеспва и анализа, жизненной силы и крипическаго могущеспва, во всѣхъ подраздѣленіяхъ бытія и мысли? Не разрушеніе ли смерти довершаесть послѣдній и самый суцественный анализъ чело-вѣка! Крипика никогда не дѣлала большихъ опкрыпій. Онѣ сдѣлались сами собой; онѣ возникли онѣ долговременнаго пребыванія чело-вѣка на землѣ. Ихъ важность не была извѣстна тому, кнѣ первый ихъ пуспилъ въ ходъ. Гушпенбергъ не думалъ, что онѣ измѣняесть судьбы міра. Изобрѣшашели новой ваксы мечшають произвешпи переворопъ. Хреспіанская вѣра незамѣпно про-никла въ Европу. Маловажный билль Нижней Палапы опносительнѣо шпракшировѣ или успа-новленія новой пошпины опглашаесть даже во внушренностяхъ Азіи. Сама чернѣ понимаетъ, что это опглашеніе значить пуспопу, изо-бличаесть неважность предмета, надѣлавшаго сполько грому, сполько шуму. Она, хопя шемно, но смыслишь, что геній ешь нѣчто, не вѣдающее само себя, и что громогласное шарлапанство совѣмъ не ешь доказательство истиннаго достоинства.

Возвратимся къ нашему вѣку. Это вѣкъ про-кламаций, изысканій, справокъ. Онѣ, какъ мы
Тѣлеск. Ч. XI.

сказали, имѣють всѣ признаки вѣка крипики и анализа. До издѣшесства проспирарають онѣ розысканіе своихъ доспоинспвѣ и недоспапковѣ и любопытное вниманіе къ самому себѣ. Нычѣ нѣють ничего вдохновеннаго, ничего самопроизвольнаго. Книжныя лавки загружены сочиненіями, объясняющими и анализирующими наше общественное соспоаніе. Въ капалогаяхъ, вы находите безпреспанно *Нравственныя Патологіи, Опыты о Настоящемъ Состояніи Общества, Взгляды на Образованность, Ходъ Разумныя* и проч. Весьма похвально идти впередъ; но нѣють никакой надобности съ каждымъ шагомъ измѣрять пройденное проспранство. Въ средніе вѣки успановилось хрисііанское общество, коему міръ доселѣ повинуется; однакожь не держали ежедневныхъ записокъ, не вели почной описи всѣмъ своимъ дѣйспвіамъ. Англійское законодательство, коему Бритпанія обязана своею славой и богапспвами, сдѣлалось само собой, спспроилось, шакъ сказаць, изъ мѣлкихъ шпукъ и опрубковъ, самопроизвольнымъ дѣйспвіемъ общественной мудрости, а не теоретическимъ, не аналитическимъ. Едва принялись повѣрять его пружины, занялись разсѣченіемъ шрупа, анализомъ опсправлений, какъ къ удивленію увидѣли себя принужденными его поправлять. Машина испорпилась въ аналитическихъ рукахъ испышашелей. Деломъ написалъ ей панегирикъ:

Беншамъ отвѣчалъ сапирами. Чѣмъ больше толковали о правахъ человѣка, о привилегіяхъ націи, о равновѣсіи власпей, о избирабельныхъ вольноспяхъ, о собственности, о всеобщемъ голосѣ, тѣмъ болѣе произошло смущеній и безпокойствъ. Богъ знаетъ, въ какомъ океанѣ законовъ, сводопвореній, комменпаріевъ, записокъ, попонула и стигбла первоначальная Англійская харшія. Въ философіи *Опыты о Человѣкѣ*, *Мысли о Природѣ*, *Исслѣдованія о Родѣ Человѣческаго*. Въ поэзіи и въ липерашурѣ теорія на теоріи, система на системѣ. Умъ человѣческій, кажется, посвятилъ себя великой анапомической работѣ. Врачи спешаюпся; одинъ приносишь вамъ лѣкарство универсальное; другой палліативное; третій предохранительное; вонъ реформа; вонъ колонизація; эпо новыи родъ поэзіи и драмы, эпо новая школа философіи или метафизики. И между тѣмъ общество спраждаетъ; шо судорожная мука, шо болѣзненная лешаргія, посмѣвающа надъ наукой и обличающа живосіи докторскихъ обѣщаній.

Весьма несправедливо думали, что сей анализъ, что сіе неуспѣшное изысканіе цѣлебныхъ средствъ, были истинной причиной разнеможенія общества. Они суть его слѣдствіе. Не крикуны XVIII вѣка произвели Французскую революцію, не они причинили безпорядокъ; они только узна-

★

ли о немъ первые; они были органами болѣзни, копорой скорбь чувствовалъ!

Если обществу въ своемъ недугѣ хочется узнать себя, измѣрить глубину и силу зла; если оно жалуется, смущается; если болѣзнь обнаруживается пронзительными криками, несвязными воплями или болѣзненнымъ, безпокойнымъ анализомъ: то оно достойно всякаго сожалѣнія! Только Наполеонъ, когда въ сраженіи, предъ глазами его, упалъ одинъ изъ его адъютантовъ, у копорого ядро опорвало половину его членовъ, могъ сказать ему суровымъ голосомъ: *«вы слишкомъ слушаете себя!»*

Да и какъ не жаловаться нынѣшнимъ Европейскимъ обществамъ, когда зло физическое, зло неизбежное, ужасно разливается и поражаетъ самые невнимательные взоры! Богатство сосредоточилось въ рукахъ немногихъ. Бѣдность, навсегда разлученная съ богатствомъ, занимаетъ противоположный полюсъ; поспавленная въ виду сокровищъ, копорыхъ не можешь достать, мучимая Танталовой жаждой, она выпускаетъ продолжительные вопли безсилія и скорби. На нѣсколькихъ золотыхъ сѣдалищахъ возсѣдаютъ богачи, эпи смертные боги, въ безопасности, безсиліи, скукѣ. Подъ ногами ихъ реветъ и волнуется народное чудовище, невѣжественное, мрачное, порочное и голодное.

Тщешно нѣсколько лучей образованія и промышленности упадаютъ на сей живый хаосъ, на сію безобразную и спрашную массу: она просвѣщается только для того, чѣмъ быть ужаснѣе. Физическая природа завоевана; успѣхи промышленности безмѣрны; вопъ желѣзные дороги, прорѣзываемыя колесницами на огненныхъ крыльяхъ, соединяющіа между собой всѣ части твердой земли; приспаны, плошины, валы, фаросы, безчисленные флоты, тысячи средствъ овладѣвъ воздухомъ и пламенемъ, служащъ къ укрощенію и покоренію океана, раба, сдѣлавшагося послушнымъ. Вопъ промышленность, съ желѣзными и человѣческими руками, поприсающая горы, засыпающая долины, господствующая надъ цѣлымъ свѣтомъ. Сія планета завоевана; сей шаръ поработенъ; спихи, враждебныя первобытному человѣку, побѣждены гражданственнымъ человѣкомъ. Между тѣмъ онъ нѣсколько не счастливѣе. Война, вѣчная война прошивъ голода; война между сыномъ земли и землей, копорая его пипаетъ; бѣдность, болѣзни: ничто не можетъ опврашивъ сихъ бичей многочисленнаго народонаселенія. Она царствуетъ даже въ тѣхъ спранахъ, гдѣ избытокъ всеобщій, гдѣ знаніе и деньги въ изобиліи. Наука, деньги и хлѣбъ, неравно раздѣленные, дурно разпределенныя, цѣлыя массы оспавляютъ въ невѣжествѣ и бѣдственномъ соспоянніи. Под-

лѣ Англіи лежишь Ирландія, обижаемая полунегимъ убожествомъ, которое сжигаетъ въ Оксфордѣ хлѣбъ, который посылало въ Маѣ. Во Франціи вѣчное волненіе колеблетъ все: вездѣ революція, бѣдность, сипраданіе; промышленность щещебно силилась возспасть и поборошь демона, ее угнетающаго. Іерархія разрушается; пронтъ колеблется; и еслибы обществѣ не были безсмертны по своей природѣ, то можнобъ было подумашъ, что находишься при ихъ смертномъ помлениіи.

Нравственное и духовное соспояніе не лучше физическаго. Да какъ можешъ бытъ иначе? Физическое зло не что иное, какъ результашъ и обнаруженіе нравственной болѣзни. Ложныя теоріи рождаютъ ложныя и опасныя дѣла. Общество поражено въ самое сердце; его начала, его идеи подверглись заразѣ; памъ, въ самомъ центрѣ, гнѣздо зла.

А религія чѣмъ предспавляется въ Европѣ? Спроятъ церкви, пишутъ книги въ угожденіе Богу и его служителямъ: нѣкоторыя души сохраняютъ еще религіозное чувствѣ. Но что значить это чувствѣ? Есть ли оно что нибудь жизненное, энергическое, сердечное? Совсѣмъ нѣтъ! Одно религіозное умничанье, думающее ушвердиться на слабыхъ основаніяхъ! Мало героическихъ душъ, которыя бы согласи-

лись на мученичество; даже покушаются еще доказывать, что бытие Божіе—вѣроятно!.. Кришника прокралась въ самое святилище. Разсуждаютъ о доказательствахъ христіанства; но сіи доказательства, спараясь утвердить несомнѣнную истину, обрушиваютъ сами себя. Священный огонь вѣры поспешенно угасаетъ. Въ то время, какъ спорятъ о подлинности Евангелія, унижаютъ его божественную силу. Въ то время, какъ опредѣляютъ, что такое благочестіе, благочестіе умираетъ. Всѣ сіи ученія раздѣленія не воскресятъ шрупа. Истинную вѣру смѣнила метафизика, вооруженная шонкоспиями. Воцаряется скептицизмъ, угрожающій поглотить вѣру; послѣднія спруи священнаго источника готовы поперяшья въ нещаныхъ пущыняхъ. Что сказали мы о религій, то можно приложить и къ липерашурѣ, которая есть жрица мысли. Гдѣ вдохновеніе? что сдѣлалось съ самопроизвольностью? Не говоримъ о тѣхъ мрачныхъ и безобразныхъ созданіяхъ, кои зараждаются въ низшихъ слояхъ грязной липерашуры, пожирающей саму себя. Не будемъ обыскивать сію плачевную юдоль лжи и продажнаго эгоизма. Довольно глубоко надлежало бы рышья, чтобы отыскавъ источники гнусныхъ спраспей, наводнившихъ современную липерашуру. Надлежало бы составить списки шарлапанства, клеветы, зависти, злобы. Спавемъ выше.

Въ самой поэзіи не видно ни одного пшворца, копорый бы заблаговременно не приневолнлъ себя къ выполненію своей задачи: лира его, можешъ бышь, сладкозвучна, но онъ слишкомъ знаешъ, что она шакова. Онъ любилъ высокое; и главный предметъ его заботъ казашъся, что онъ любилъ высокое. Повсюду напыщенность! Не ищущъ бышь великими на дѣлѣ, но хощащъ увѣришь публику, что владеющъ чувствомъ великаго.

Прежде, напшимъ, любили природу, не выказывая сей любви. Оеокрипъ и Гомеръ великіе живописцы. Виргилій и Овидій развершывающъ великолѣпныя карпины. Но они не любующся сами на эти карпины. Описание не естъ цѣль ихъ искусства. Искренно обожая природу, они не протспирающъ до жеманства и принужденности своего обожанія, копорое сполько естественнo, что не можешъ сроднишьсѣ съ ложными преувеличеніями. Печальное слѣдствіе болѣзни, копорая къ намъ притсашетъ и насъ пожираетъ! Всѣ наши привязанности сущъ шолько слабая птѣнь истинныхъ привязанностей. Давай, кричишь поэтъ или романистъ, напишемъ; мнѣ надобно изобразить и раздѣлшишь гору, холмъ, море, озеро, долину. Чипатель знаешъ и цѣнишь сіи мнимыя карпины по ихъ достоинству. Какъ скоро романъ или поэма предспавляющъ ему описание, богатое эпипешами, бле-

спящее разнообразными оплывами, онъ ворочаетъ липсы, пропускаетъ цѣпки и узоры, ищетъ занимательной и папешнической спраницы. Самъ Вальпер-Скопшъ не всегда успѣшно заставляетъ переносить скуку своихъ описаній. Начало многихъ его главъ, по большей части загроможденное пейзажами, не одинъ разъ выводило изъ терпѣнія самыхъ спрашныхъ его почипателей.

Множество издаваемыхъ обзорѣй, вліяніе и повсемѣстность крипики сушь другіе признаки, сполькоже характериспические. Пишутъ не для того, чпобъ сказать свою мысль, но чпобы судить другихъ. Весь міръ крипики! Обо всемъ спрашиваютъ: почему? какъ? »Пошли мнѣ, Господи!« — восклицаетъ Спернъ — »чипапеля, сполько добраго и сполько шихаго, чпобъ онъ поручилъ мнѣ бразды своего воображенія! Пусть онъ забавляется, не зная какъ! Пусть онъ прогаеся, не спрашивая почему?« Такого чипапеля нынѣ не сыщешь. Джонсоны и Лагарпы плодятся. Поколѣніе липерашурныхъ прихлебателей, занимаетъ всѣ входы и выходы и спышитъ увѣдомить васъ, чпо пакой-то напишокъ горекъ, а эпошъ сладокъ. Мы знали эпо и безъ нихъ!

Да и сами мы, начерпывая сіи спроки, не подвергаемся ли общему злу? Не дѣлаетъ ли и мы

обозрѣніе нашего вѣка и его причудъ? Занимался разсмащиваніемъ и сужденіемъ, не походили ли мы на Лондонскихъ зѣвакъ, копорые въ продолженіе семи дней недѣли присуниспвуютъ на всѣхъ церемоніяхъ, не имѣя другаго дѣла, какъ смоспръшь на шолпу людей, копорая ничего не дѣлаешъ? Лейпцигскій книгопродавецъ публикуешъ Вовобщее Обозрѣніе всѣхъ Европейскихъ Обозрѣній. Будешъ ли конецъ эшой поспребности все обозрѣвашъ и эшому равнодушію къ шрудамъ истинно шворческимъ? Литерашура еспъ не чшо иное, какъ огромное судилище, предъ копорымъ являюпся испорія, юриспруденція, богословія, полишника. Драма, въ копорой преобладеешъ дѣйствіе, поэзія, выражающая чувспвованія души, шмяпся удушценныя и какбы раздавленныя крипшикой чудовищемъ, копорое пожираешъ само себя, подобно древней химерѣ, и копорое дѣлаешся добычей алчноспи, соспавляющей его могущесшво.

Сама философія ушрашила характеръ шворчесшва. Она не учипъ болѣе управлѣшъ нашими дѣлами; она не имѣешъ вліянія на нашу жизнь. Для ней нынѣ довольно умспвовашъ, разсуждашъ и сомнѣвашъ. Ея непрерывныя розыски не даюшъ намъ никакой силы, никакихъ пособій; она не опредѣлаешъ нашихъ мыслей, не оспанавливаешъ нашего разумнія и воображе-

нія на одной почкѣ. Разсуждавъ объ я и не я, о бытіи и оцщправленіяхъ мозга—вопъ все ея занятіе! Не такъ философствовали Сократъ и Платонъ, законодатели нравовъ, коихъ ученіе не ограничивалось простыми логическими формулами.

Во все времена, если можно такъ сказать, метафизика была хроническою болѣзнію человѣчества. Апомы, брошенные въ океанъ вселенной—безконечно малая частица шара, коей испорія и бытіе являющіяся непримѣнными почками въ пространствѣ и времени—мы видимъ со всехъ сторонъ глубокіе мраки, сгущающіеся и обвивающіеся вѣкругъ насъ. Изъ сихъ мраковъ изходятъ привидѣнія: смерть, начало зла, необходимость, рокъ — вопросы неразрѣшимые! Мы дѣйствуемъ, мы живемъ только для избѣжанія грозной ширины сомнѣнія, безвѣстности, насъ подавляющей. Основаніе нашего бытія сомнѣніе и ужасъ. На семъ грозномъ фондѣ рисуется разнообразная картина нашего бытія. Но человекъ, преслѣдуемый чувствомъ боязни, копорую внушаетъ сіе безвѣстное царство, непрестанно ищетъ проникнуть въ его глубину. Иногда во времена, болѣе здоровыя и счастливыя, онъ покушается осуществити теорему міра, удовлетворити самаго себя и вывести изъ сей теоремы нѣкопото-

рѣя начала для руководства въ жизни дѣйствительной. Тогда вдохновеніе и поэзія примѣшиваются къ философіи. Дѣйствія человѣческія хопяптъ разположишь по образцу пворенія. Впадаюптъ во многія заблужденія; но по крайней мѣрѣ имѣюптъ правило для дѣйствій. Теперь и шого нѣтъ! Обо всемъ сомнѣваюпся; и изъ сомнѣнія хопяптъ произвеси систему философіи. Какъ вывеси убѣжденіе изъ отрицанія? Какъ дойди къ вѣрѣ пушемъ сомнѣнія? Такимъ образомъ и колыбель метафизическаго умозрѣнія и гробъ еспѣ ничпожесиво. Оно начинаептъ ничѣмъ и кончиптъ ничѣмъ. Оно пвориптъ призраки, сражаепся съ ними, пожираептъ ихъ и снова выводиптъ на свѣтъ. Заключившись въ сферу опвлеченныхъ идей, метафизика еспѣ самый роковый бичъ человѣчества.

Разсмотримъ эпимологию слова *метафизика*. Вы узнаете всю ея пущищу. Метафизикъ еспѣ чловѣкъ, копорый берепся разлагаптъ разумѣніе и его феномены. Но какое упопребиптъ онъ для шого орудіе? Свое разумѣніе? И шакъ орудіе, имъ упопребляемое, еспѣ поптъже самый предметъ, надъ копорымъ онъ шрудипся, копорый думаептъ разсѣчь. Тщешныя усилія для глупцовъ, равно какъ для мудрыхъ: великій чловѣкъ и дуракъ равно не успѣюптъ въ нихъ. Искушѣннѣйшій анапомъ не будетъ дѣлаптъ опы-

повѣ надѣ своимъ плѣномъ, не вонзипшъ ножа въ свои фибры и артеріи. Самый ловкій аплемпъ никогда не успѣетъ побороться съ самимъ собою, схватипшъ себя руками, подяпшъ съ земли и опяпшъ бросипшъ.

Нынѣ мы низверглись въ самую глубокую пропасть сей метафизики, споль прошивной дѣйспвію. Изслѣдованіе все пожираетъ и уничтожаетъ. Мысль не ведетъ болѣе къ дѣйспвію. Мы больше не спрашиваемъ себя: что должно дѣлать? и какъ должно дѣлать? но: какое зрѣлище можно себѣ предспавипшъ? какому анализу можно предапшъ? Сомнѣніе, лежавшее прежде на днѣ быпсія человѣческаго, выпступило теперъ по всему его пропшженію. Его зыбучее покрывало волнуется на всѣхъ предмесахъ; и опъ того они мерещущся въ нашихъ смупныхъ взорахъ. Все обманчиво, ухищренно, двусмысленно. И между пѣмъ человекъ на землѣ не для того поставленъ, чтообъ задавать себѣ вопросы, а чтообъ дѣйспвовать. Онъ не для того сотворенъ, чтообъ усыпляютъ и оспавлять въ праздноспи свою дѣяпельную силу, пробуждать одну скеппическую способносъ и упражнять свое сомнѣніе и невѣріе.

Плачевнѣйшій результатъ сего невѣрія еспъ разрушеніе дѣйспвующихъ силъ. Намъ предлежитъ въ сей юдоли опольно побѣдитъ трудъ

носившей, сполько преодолють препятствій, что мало всей нашей энергіи, вспомошествоваемой швердою волею и могучей вѣрою. Вмѣсто того мы пишаемъ сомнѣніе, насъ разслабляющее, скепшицизмъ, опнимающій у насъ силу воли. Намъ оспаеся одно несчастье. У насъ нѣтъ ничего, чтобы насъ одушевило къ побѣдѣ. Спрашное разочарованіе все помрачило; обществѣ опъ того идетъ не лучше; бѣднось опъ того не меньше; шолько проклинаюшъ это общество, проклинаюшъ эту бѣднось, вмѣсто того, чтобъ поддерживашъ одно и помочь другой; уподобляюшся Индійцамъ, копорые, не имѣюшъ вѣры, однакожъ по привычкѣ попускаюшъ себя раздавишъ колесницей Ягренауша. Къ чему прилѣпишся нынѣ? Къ какому идеалу опнеспи свои дѣянія? Ни вѣра священная, ни вѣра политическая не предспавляюшъ швердой опоры. Догмашы церкви въ пренебреженіи; уваженіе къ нимъ, оспавшееся опъ преданій, еспъ не болѣе, какъ холодное почпеніе, внушаемое спароспью. Повиновеніе законамъ изчезло. Рыцарской доблести нѣтъ. Монашпыри запершы или поперяли вѣру. Мыслишель, брошенный въ пущынію сомнѣній, шщепшно ищеть швердой и неподвижной шочки, могущей для него служишъ опорой и ценшромъ. Свѣшскіе и ученые — всѣ Байрониспы, данди или Германскіе менафизики. Жалосъ смодрѣшъ, какъ эши

слабыя и плачевныя секшы роятся и кивають пеперь на развалинахъ всѣхъ вѣрованій! а)

Не скажешь ли послѣ того, что божество удалилось отъ земли, что оно оспавило чловѣка подъ игомъ нужды желѣзной, въ добычу мукамъ пожирающаго безпокойства! Геронизмъ сокрушенъ. Какая добродѣтель уцѣлѣла отъ искуса? Какой порокъ не былъ почтенъ? Какая мысль или какое начало успояло? Въ возрастѣ, когда организація чловѣческая порѣвается и кипитъ, отъ неперпѣнія дѣйствовать, что дѣлаетъ молодой чловѣкъ? Ни одно священное, неприкосновенное, доспочтимое знамя не вѣетъ для него. Все померкло. Сомнѣніе окружаетъ его, скептицизмъ бьетъ бушующими волнами. Надобно предасться изслѣдованію нескончаемому и споль же болѣзненному, сколько глубокому. Надобно, чтобы испобѣдимая энергія его пламенной мысли, такъ сказать, покусилась на самоубійство. Гдѣ истина? Гдѣ разумъ? Гдѣ правда? Гдѣ порядокъ? Гдѣ свобода? Не ужели въ мятежномъ буйствѣ? Гдѣ рабство? Не ужели въ святой покорности законамъ? Міръ не что иное, какъ неразрѣшимая проблема, сонкъ, пожирающій пѣхъ, кои его вопрошаютъ.

а) Ужасное описаніе! Вотъ плоды лжепросвѣщенія, плоды Европеизма, копорымъ морочають глаза легковѣрныхъ! Изд.

Несчастіе сего общеспвеннаго состоянія, гдѣ нѣтъ ничего пвердаго, гдѣ ни одно ученіе не обезпечено, чувспвуется и народомъ и вельможами, и прослакомъ и ученымъ. Но оно всѣхъ менѣе ппгопѣетъ надъ пѣми, для конхъ единспвенная цѣль жизни — жить; они знаютъ, чего хопяптъ, они идутъ прямо къ цѣли. Голодъ ихъ полкаетъ; спремается ли они добытъ мѣспа и покровипельспво, или зарабатываютъ скудную плату, они живутъ; этого довольно; механическая дѣяпельность ихъ поддерживается; ихъ энергія возбуждается нуждой, надъ ними господспвующей. Есть скука, есть несчастіе для пакихъ людей, но опчаянія нѣтъ.

Но что будетъ съ пѣми, въ конхъ вѣетъ благороднѣйшій инспинкптъ, кои не хопяптъ видѣтъ въ себѣ только машину, кои хопяптъ, чпобъ жизнь ихъ имѣла резульпаты и возвышенное направленіе? Какъ горько почувспвуютъ они скорбь и пуспону эпохи, въ коей мы теперь живемъ? Древнія божества испочены червями; старые символы износились: должно ли воздавать имъ лицемѣрное почпеніе и поклоненіе вышедшее изъ моды? Плачевная и бѣдспвенная учась: поддерживаешь пеперь древнюю республику, феодальное рыцарспво или еокрапическое панспво, значить играешь роль пшицегадателя, по разрушеніи язычества.

Иные, конхъ гораздо больше, принимають

за вѣру сомнѣніе, т. е., отрицательное мнѣніе; они ничего не утверждаютъ; гошовые отрицають все, они принимаютъ за теорію ту просную аксіому, что всякая теорія сомнительна, а за ученіе неопровержимый фактъ, что удовольствіе пріятная вещь для человека. Легкомысленный эпикуреизмъ родится отсюда: они собирають удовольствія со всего, что ни встрѣчается, закрываютъ глаза на все прочее, и живутъ такимъ образомъ, сколько могутъ, счастливо. Этого классъ многочисленъ; онъ-то въ нынѣшнее время составляетъ массы; онъ-то печалится на обществѣ по поводу ошибокъ нерышимости и равнодушія, которыхъ его характеризуетъ.

Несчастные всѣхъ тѣ, кои, будучи одарены душою благородною, негодуютъ на сей результатъ. Сомнѣніе, ихъ окружающее, имъ противно. Они хотѣли бы изъ него выйти и свергнуть его иго. Они чувствуютъ, что, отрицая все, отвергая всѣ убѣжденія, ни къ чему не придеть. Они борются съ сею судьбою, болѣе величельною и жестокою, чѣмъ судьба древняя. Они хотѣли бы снова найти начала, утвердить свои идеи, вызвать новую вѣру; имъ нужно бы имѣть что-нибудь прочное и несомнѣнное, вѣрованіе разумное и энергическое; они изнуряются въ усиліяхъ осуществить сіи желанія. Здѣсь Байронъ созидаетъ себѣ божество

изъ спраспи, кумиръ изъ удовольствія; тамъ Шеллей покушается воздвигнуть какое-то чудовищное вѣрованіе, гдѣ бы всѣ силы природы были богошворимы—родъ мистическаго материализма. А тамъ Шлегель, упомленный сомнѣніемъ, бѣжитъ въ древнее святилище каполицизма и проситъ у вѣры спасенія и ограды прошивъ мукъ универсальнаго скептицизма. Вездѣ видите вы сильныхъ или понкихъ мыслителей, обуреваемыхъ безчисленными софизмами, громоздящихъ паралогизмы и сражающихся съ полчищами призраковъ.

Таково нравственное и матеріальное положеніе времени, въ которое насъ бросило Провидѣніе! Можно ли удивляясь, что общество, пораженное споль глубокимъ зломъ, ищетъ его узнать и допрашиваетъ себя съ любопытствомъ? Сколько тысячъ теорій борются и препираются въ его нѣдрахъ? Какое всеобщее разногласіе разделяетъ умы? Сколько лѣтъ уже, какъ повсюду видны разрушенія и опустошенія! Огонь пожираетъ города, ядра косятъ поколѣнія народовъ, слезы и кровь наводняютъ Европу!

Но не должно совершенно опчаяваться о родѣ человѣческомъ и предаваться безоспадному унынію, которое внушаютъ подобныя зрѣлища. По мудрымъ усавамъ Промысла, зло въ

крайнемъ излишесствѣ своемъ заключаетъ собственное врачевство. Сіи метафизическія умозрѣнія, сія праздная мечпательность, сіи многоразличныя формы, обнаруживающія признаки тяжкой общественной болѣзни, приносятъ свою пользу. По мѣрѣ злоупотребленія криптики, познають необходимость шворить и созидать. По мѣрѣ накопленія оприщаній, почувствуютъ ихъ непронзводительность. Порываемые изъ системы въ систему, изъ теоріи въ теорію, умы возвращаются наконецъ къ дѣлу, къ жизни существенной. Скептицизмъ истощился; и многочисленныя преобразования философіи кончатся уничтоженіемъ всѣхъ абсолютныхъ системъ, кои зыблются пещеръ подобно облакамъ шверди небесной. Не видѣли ли Канта, испоргающаго скипетръ у Лейбница, Фихте, подкапывающаго догматы Канта, Шеллинга, измѣняющаго идеи Фихте, Гегеля, преобразующаго теорію Шеллинга, и наконецъ Кузена, все возснаноующаго! Невозможно, чѣмъ сіи метафизическія системы, подвергнутыя такимъ образомъ безпрестанной переработкѣ, всѣмъ наконецъ не испарились! Точно также должна преѣйти и погибнуть сія пагубная вѣра въ политическія теоріи и ихъ вліяніе; сіе легковѣріе въ могущество системъ, ошлеченіе опѣ нравовъ и идей. Это несчастное приложеніе метафизики къ политикѣ имѣло роковое вліяніе на

новѣйшіе народы. Скоро перестанутъ вѣрять, что благо народовъ состоитъ въ письменной или печатной конспиритуции; что искусственный, насильственный механизмъ способенъ привесити ихъ въ цвѣтущее состояніе; не будутъ вѣрять, что новое общество можетъ родиться вооруженнымъ изъ мозга мечтателей, какъ Минерва некогда вышла изъ мозга Юпитера! Всѣ заблужденія исправятся опытомъ. Уже революція Французская дала сильный урокъ, который невозможно забыть. *Пусть дана будетъ толпа буйныхъ, непокорныхъ эгоистовъ; сочетай дѣйствія ея такъ, чтобъ изъ нихъ вышло общество жестокое и добродѣтельное!* Сія неразрѣшимая проблема произвела столько ужасныхъ, кровавыхъ слѣдствій, что скоро побоясь, не только снова рѣшась, даже предлагать ее. Многія, пока слабыя и ослѣпленныя, усилія доказываютъ, что въ эпоху болѣе или менѣе опдаленную рѣшительно оспаривать всѣ мечтательныя системы и обманчивыя теоріи. Въ самой Франціи сильная партія изъявляетъ желаніе возвратиться опять къ древней абсолютной монархіи. Наконецъ пошребность порядка и устройства чувствуется. Въ Англіи, въ Испаніи, тѣже признаки, тѣже колебанія, тѣже опдаленныя, но непобѣдимое стремленіе къ порядку и возсозданію. Время передъ нами. И если намъ не суждено видѣть раз-

спроишь себѣ лачугъ, разводили огонь изъ всего, что попадалось имъ подъ руки, жрали лошадей, сдирали, чшобъ прикрышь себя, кожу, сукно, парусину, съ карепъ и фуръ, и засыпали, вмѣсто пого, чшобъ продолжаясь свой путь, вмѣсто пого, чшобъ, подъ покровомъ ночи, перебираясь спокойно черезъ Березину, копорую неисповѣдимая кара судьбы обрекла бышь споль гибельною Французской арміи.

Совершенное безчувствіе сихъ несчастныхъ можетъ бышь поняпно полько шѣмъ кон сами проходили сими снѣжными, безпредѣльными пуспынями, не имѣя другаго пищя, кромѣ снѣга, другой поспели, кромѣ снѣга, другой перспекпивы, кромѣ безбрежнаго горизонпа снѣга, другой пищи, кромѣ погоже снѣга или нѣсколькихъ мерзлыхъ кочашекъ, нѣсколькихъ оледенѣлыхъ горбылей, нѣсколькихъ горспей муки или кусковъ лошадиного мяса. Сии несчастливцы, умирая съ голоду, жажды, успалоспи и дремопы, приходили вдругъ на мѣсто, гдѣ видѣли дрова, огонь, съспное, безчисленное множеспво оспавленныхъ экипажей, бивуаки, однимъ словомъ, цѣлый импровизированный городъ; ибо деревня Спуденка была совершенно сломана, распащена и перенесена на выспы равнины. Хопя эшо былъ наспояцій *cita dolente*, городъ ужасный и пагубный, все по

крайней мѣрѣ онѣ имѣлъ видѣ обипалища, мѣнѣ грозный и неумолимый, чѣмъ безбрежныя пусыни, покрытыя сугробами. Эпа необозримая больница, гдѣ скорбь царствовала мрачная и безмолвная, спояла цѣлыя супки. Упомленіе жизни или чувство неожиданной опрады, нечаяннаго счастья, ошнимало у сей несмысленной, безобразной толпы всякое чувство, кромѣ одной потребности успокоенія.

Арпиллерія лѣваго фланга Русскихъ безпре-
спанно громила сію безмѣрную массу, рисовав-
шуюся, подобно огромному пяпну, по черно-
му, по облипому пламенемъ, посреди снѣга; но
ея неупомимыя ядра для изможденной толпы
казались только однимъ неудобствомъ больше.
Она прислушалась къ нимъ, какъ къ грозѣ, коей
громъ не возбуждалъ ни малѣйшаго вниманія,
поелику долженъ былъ послыгаться, кое-гдѣ,
умирающихъ, больныхъ, или даже мерш-
выхъ.

Ежеминутно отспалые приливали толпами.
Эпи бродящіе прупы немедленно раздѣлялись и
переходили опѣ коспра къ коспру, вымаливая
нищенски мѣспечко у огня; попомъ, прогоняе-
мые большей частью оповсюду, собирались сно-
ва; и, глухіе къ увѣщаніямъ нѣсколькихъ офи-
церовъ, кои назавтра предсказывали имъ не-
минуемую смерть, распочали послѣдній оспа-

покъ, бодрости, съ коимъ могли бы переправиться черезъ Березину, для того, чѣмъ поспроить себѣ на ночь шалашъ, наѣсться и уснуть. Смерть, ожидавшая ихъ, не была для нихъ бѣдспвіемъ; ибо это бѣдспвіе позволяло имъ соснуть хопя часокъ. Они называли бѣдспвіемъ шолько холодъ, голодъ и жажду. Когда уже нельзя было промыслишь ни дровъ, ни огня, ни лохмощья, ни покрывки, по начались драки между шѣми, у коихъ не было ничего, и шѣми, кои имѣли кровь: слабѣйшіе пали! Наконецъ, пришло время, когда нѣсколько бѣглецовъ, гонимыхъ Русскими, не могли найши себѣ другаго бивуака, кромѣ сугробовъ, и повалились на нихъ, чѣмъ никогда не пробуждались.

Нечувствительна сѣ масса существъ, почти уничтоженныхъ, сдѣлалась такъ многочисленна, такъ глуха, такъ безчувственна, или можетъ быть, такъ счастлива, что Маршалъ Викпоръ, защищавшій ее съ героическими усиліями, въ продолженіе цѣлаго дня, съ шестью тысячами прошивъ корпуса Випгеншпейна, нашелся принужденнымъ очистишь себѣ путь силою, сквозь этою дремучій лѣсъ людей, дабы перевести черезъ Березину пять тысячъ храбрыхъ воиновъ, коихъ онъ сохранилъ для Императора.

Сѣ несчастные предпочипали быть раздавленными, чѣмъ пронуться съ мѣста. Они гиб-

ли безмолвно, посмапривая съ улыбкой на свои гаснущіе коспры и не помышляя о Франціи.

Не прежде десятии часовъ вечера, Герцогъ де Беллюно увидѣлъ себя на другой споронѣ рѣки. Дабы занявъ моспы, ведущіе къ Зембину, онъ повѣрилъ судьбу аріергарда, оспавленнаго въ Спуденкѣ, Генералу Эбле, испинному спасишелю всѣхъ, кои пережили ужасныя Березинскія бѣдспвія.

Было около полуночи, когда сей мужеспивенный Генераль оспавилъ небольшую лачугу, копорую занималъ подлѣ моспа; и, въ сопровожденіи одного храбраго офицера, вышелъ посмопрѣть на зрѣлище, копорое представлялъ лагерь, расположенный между Березиной и дорогой изъ Борисова въ Спуденку. Пушки Рускія замолкли; безчисленные огни, блѣдно мелькавшіе посреди сугробовъ и по видимому ушрапившіе свою яркоспъ, освѣщали, памъ и здѣсь, безобразные призраки, не имѣвшіе челоувѣческаго подобія: несчастные, въ числѣ почти придцати тысячъ, принадлежащіе ко всѣмъ націямъ, кои Наполеонъ ринулъ на Россію, играли своею жизнью съ скопскою безпечноспью.

— »Надобно все эпо спаспи!« сказалъ Генераль.

— »Завпра ушромъ« — продолжалъ онъ—»Рускіе будущъ владѣтъ Спуденкой; надобно сжечь

мостъ, какъ скоро они появятся... и шакъ, другъ мой, смѣлоспъ и мужеспво! Пробейся на выспты! Скажи Генералу Фурнье, чпо ему едва оспается время очиспишъ позицію, пробишъя сквозъ эпошъ народъ и перейши черезъ мостъ. Когда увидишъ, чпо онъ сниметсся, по слѣдуй за нимъ; попомъ, съ помощію нѣсколькихъ сильныхъ и бодрыхъ рукъ, жги безжалоспно всѣ эши бивуаки, экипажи, ящики, карепшы... все!.. Гони эшу шолпу на мостъ! Понуждай все, чпо можетъ еще двигатся, бѣжатъ на шу спорону! Пожаръ теперъ оспатся единспвеннымъ нашимъ спасеніемъ. Еслибъ Бертье позволилъ мнѣ испребитъ эши проклятые экипажи, рѣка не поглотила бы никого... кромѣ моихъ бѣдныхъ понпоньеровъ... эшихъ ппипидесяппи героевъ, кои спасли армию и... копорыхъ забудушъ! «...

Генераль закрылъ лобъ рукою и оспался безмолвенъ. Онъ чувспвовалъ, чпо Польша будешъ его гробомъ и чпо ни одного голоса не возвысится во славу шѣхъ великихъ людей, кои оспались въ волнахъ... въ волнахъ Березины!... чпобъ вбишъ сваи для мостовъ... Одинъ изъ нихъ живетъ еще, или, говоря почтѣе, спрадаешъ, въ глуши деревни... безвѣспный!..

Адьюпаншъ ошправился.

Едва великодушный офицеръ ошѣхалъ шагъ спо по направлению къ Спуденкѣ, какъ Ге-

генералъ Эбле, разбудивъ пять или шесть спящихъ понпоньеровъ, началъ свой истинно благотельный подвигъ, зажегши бивуаки, расположенные вокругъ моста, и понудивъ такимъ образомъ ближайшихъ солдатъ перебираться черезъ Березину.

Между тѣмъ молодой Адьюпантъ добрался, не безъ пруда, до единственной деревянной избы, оставшейся въ Спуденкѣ.

» Лачуга видно бишкомъ набища, пріятель? « сказалъ онъ чловѣку, котораго увидѣлъ снаружи передъ избой.

— » Если ты продерешься, то будешь славный молодецъ! « отвѣчалъ офицеръ, не оборачиваясь и продолжая рубить саблею бревна избы.

» Ба! да это ты Филиппъ! « вскричалъ Адьюпантъ, узнавъ по голосу одного изъ своихъ друзей.

— » Я!.. А это ты, спаричокъ! « возразилъ Г. де Сюси, взглянувъ на Адьюпанта, которому, какъ и ему, было не больше двадцати прехъ лѣтъ. » Я думалъ, что ты уже по ту сторону этой проклятой рѣки! Не привезъ ли ты намъ пирожного и конфетовъ для десерту! Мы бы приняли тебя славно «... продолжалъ онъ, сдирая съ бревенъ кору, на кормъ своей лошади.

»Я ищу вашего начальника, чпобъ сказать ему, опъ имени Генерала Эбле, идни на Зембинь! Вамъ едва оспается время пробишься сквозь эту массу пруповъ, копорые я долженъ сей-часъ зажечь, чпобы принудить вспасть и двигаешься! « . .

—Ты почпи согрѣдь меня: ибо опъ словъ швоихъ прошибъ меня попъ!.. Я долженъ спасши два существа, копорыя мнѣ очень дороги!.. Ахъ! безъ этихъ двухъ сурковъ, мой любезный снарячокъ, я давно бы умеръ! Только для нихъ берегу я свою лошадь и не ѣмъ ее. Ради Бога, нѣтъ ли у тебя хоть корочки?.. Вошь ужъ придицашъ часовъ, какъ у меня не было ничего во рш; и я дрался, какъ бѣшеный, чпобъ сохранить послѣднюю искру теплоты и бодрости, копорая во мнѣ еще оспается « . .

» Бѣдный Филиппъ!.. нѣтъ ничего, ни капельки! Но гдѣ Генераль? здѣсь чпо ли? « . .

» Не ходи туда!.. Эпошь амбаръ набить ранеными... Спупай выше!.. Тамъ, на право, найдешь родъ свинаго хлѣва... тамъ Генераль... Прощай, пріятель!.. Если намъ удался еще пошанцовашъ на паркетѣ въ Парижѣ. « . .

Онъ не могъ кончить; ибо вьюга въ ту минуту дохнула съ такимъ вѣроломствомъ, чпо

Адьюпантъ пустился, дабы не окоспентъ, а у Маіора Филиппа смерзлись губы.

Вскорѣ воцарилось молчаніе. Оно прерывалось только спонами, выходившими изъ избы, и глухимъ шумомъ лошади Г. де Сюси, копорая, съ неисповой жадностью, глодала мерзлую кору избяныхъ бревенъ. Маіоръ вложилъ саблю въ ножны; и, схвативъ за узду драгоцѣнное живописное, копорое умѣлъ сохранить, опорвалъ его, не смопря на сопровивленіе, опгъ жалкаго корму, коимъ бѣдное живописное казалось довольнымъ.

— » Пошла, Бишетъ, пошла!... Только ты, моя красавица, можешь спасти мою Юлію!... Спупай... Будешь еще время опдохнуть... умереть. « ...

И Филиппъ, закупанный въ мѣховую шубу, коей былъ одолженъ сохраненіемъ своей жизни и дѣшельности, побѣжалъ по сугробамъ, спуща крѣпко ногами, чшобъ согрѣться.

Едва Маіоръ сдѣлалъ шаговъ пять сотъ, какъ увидѣлъ большой огонь на помѣ мѣспѣ, гдѣ по ушпру оставилъ свою карепу подъ охраненіемъ спараго неуспирашимаго солдаша. Ужасное безпокойство овладѣло имъ; и, какъ всѣ, кон въ продолженіе бѣдспвеннаго опспупленія, были одушевляемы какимъ-нибудь могущеспвленнымъ чувспвомъ, онъ нашелъ въ себѣ болѣе силъ для спасенія своихъ друзей, чѣмъ сколькобъ имѣлъ

для собственнаго своего спасенія. Скоро былъ онъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ небольшого угла, образуемаго землею, подъ сѣнію коего, въ безопасности отъ ядеръ, помѣстилъ молодую женщину, подругу своего дѣшсшва, драгоцѣннѣйшее благо своей жизни.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ карепы, до шридаши солдапъ собралось вокругъ безмѣрнаго огня, копорый поддерживали, бросая въ косперь крышки пороховыхъ ящичковъ, колеса, доски и оконницы карепы. Это были, безсомнѣнія, самые запоздалые изъ всѣхъ, кои, на полняя проспранспво между широкой бороздой, описываемой Спуденскою низью, и роковою Березиною, сославляли какъ будто океанъ головъ, огней, шалашей... живое море, волнуемое движеніями почти безчувспенными, изъ кошораго вырывался глухой шумъ, смѣшанный съ грозными криками. Вынужденные голодомъ и опчаяніемъ, эти несчастные вѣрояпно разграбили карепу. Старый Генералъ и молодая жена его, коихъ нашли они, лежавшихъ на своемъ скарбѣ, окупанныхъ плащами и шубами, въ эту минупу сидѣли просто на снѣгу, сгорбившись, на корпочкахъ, у огня. Карепа была опворена и одна изъ дверць ея разбиша. Какъ скоро сидѣвшіе вокругъ огня услышали шаги лошади и Маіора, яроспный

крикъ поднялся между ними. Это было бышество голода, подспрекнушаго чувствомъ неожиданнаго благополучія!

— Лошадь!.. Лошадь!..

То былъ крикъ единодушный. Всѣ голоса слились въ одинъ голосъ.

— Прочь, прочь!.. Берегись!.. вскричали два или три солдата, прицѣливаясь въ лошадь.

— Те! негодная сволочь! Я васъ всѣхъ опрокину въ эшонтъ огонь... Тамъ много мерзвыхъ лошадей!.. Спупайше шуда!«..

— Ге! ге! какой шупникъ!« возразилъ одинъ колоссальный, гренадиръ. »Разъ! два!.. Слышишь?.. Поспоронишься, или нѣтъ?.. Нѣтъ? Ну! какъ изволишь... Эй!«..

Крикъ женщины заглушилъ ударъ выспрыла. По счастью Филиппъ не былъ раненъ: но лошадь его пала. Такъ какъ бѣдное живошное еще боролось съ смерщью, то при челоука бросились и прикололи его шныками.

— »Каннибалы! дайне мнѣ, по крайней мѣрѣ, взявъ попому и писшолешы!« вскричалъ Филиппъ въ опчаяніи.

— О писшолешахъ не споримъ! отвѣчалъ гренадиръ: чшо до попомы, то вошь бѣдный пѣшеходъ, у кошораго два дня не было во рту ни капли... Видишь, какъ онъ колошмилъ зубъ объ зубъ, въ своемъ шлапѣ, подышомъ укусомъ!.. Это нашъ Генералъ!..

Филиппъ замолчалъ, взглянувъ на бѣдняка, у котораго обувь и исподнее плашье было все въ дырахъ, а голова прикрывалась мерзкой фуражкой, набитой снѣгомъ.

Тогда онъ поспѣшилъ взявъ свои писпеле-пы; и, между тѣмъ какъ привязывалъ ихъ къ поясу, пѣшере припачили убитое живошное къ коспру и начали свѣжевать его такъ ловко, какъ самые искусные мясники въ Парижѣ. Куски хватали и бросали на уголья съ удивительною быспропою. Маіоръ, подошелъ къ женщи-нѣ, копорая, узнавъ его, испустила крикъ ужа-са. Онъ нашелъ ее неподвижно сидѣвшую на подушкѣ изъ карепы и опогрѣвающуюся при огнѣ. Она взглянула на него безмолвно, даже не улыбувшись. Тогда Филиппъ увидѣлъ под-лѣ ней солдапа, копорому поручилъ карепу на сохраненіе. Бѣднякъ былъ раненъ. Подавлен-ный числомъ, онъ долженъ былъ уступитъ солдапамъ, напавшимъ на него; но, подобно со-бакѣ, защищавшей до послѣдней крайности обѣдъ своего господина, взялъ наконецъ до-лю въ добычѣ и сдѣлалъ себѣ родъ плаща изъ епарой бѣлой проспыни. Въ эту минупу онъ переворачивалъ на угольяхъ кусокъ лошадинаго мяса и Маіоръ прочелъ на лицѣ его радость, копорую чувспвовалъ онъ, пригопoviaя себѣ накую лакомую пирушку.

Графъ де Вандеръ, за при дня впавшій въ со-

*

спомяніе дѣтской несмысленности, сидѣлъ также на подушкѣ, возлѣ своей жены. Онъ смотрѣлъ пусклыми, неподвижными глазами на эпи пирамидальные огни, коихъ теплопа начинала разогрѣвать его оцѣпенѣлость. Ружейный выстрѣлъ, прибывшіе Филиппа, споль же мало пронули его, какъ и сраженіе, въ слѣдствіе ко- его кареша была разграблена.

Сначала Филиппъ схватилъ руку молодой Графини, какъ будто для того, чѣмъ выразишь ей свою привязанность и огорченіе, которое чувствовалъ, видя ее доведенную до такой крайности; но оспался безмолвенъ подлѣ ней, сѣвши на грудѣ снѣга, которая подмывала сама себя, шая на огнѣ. Онъ самъ успушилъ наконецъ живошному наслажденію опотрѣпшся, забывая опасность, забывая все. Его лице, пропивъ воли, искоробилось выраженіемъ радости, почти звѣрской; и онъ ожидалъ съ неперпѣніемъ, чѣмъ кусокъ лошади, данный его солдапу, изжарился; ибо запахъ эшого выпачканнаго угольями мяса раздражалъ въ немъ голодъ, а голодъ заспавлялъ молчашъ его сердце, мужество и—любовь. Онъ смотрѣлъ безъ всякаго огорченія и гнѣва на разграбленіе своей карешы. Окружавшіе костеръ, раздѣлили промежъ себя одѣяла, подушки, шубы, плащѣ женское и мужское, принадлежавшія Графу, Графинѣ и Mai-

ору. Филиппъ обернулся, чѣмъ поспомрѣшь, не оспалось ли чего въ ящикахъ. При блескѣ огней, онъ замѣпилъ, чѣмъ золопо, брилланпы, серебро Графини, было разбросано; никѣмъ не думалъ присвоить себѣ ни малѣйшей вещицы.

Всѣ, коихъ случай собралъ вокругъ кошпа, хранили молчаніе, которое было ужасно. Каждый дѣлалъ только то, чѣмъ считалъ для себя необходимымъ. Ихъ крайность имѣла въ себѣ даже нѣчто каррикатурное. Лица, искаженные холодомъ, напипаны были грязью, по которой слезы, опѣ глаза до окончательно щекъ, прорыли глубокія борозды, свидѣтельствующія толщину сей безобразной личины. Неопрятныя длинныя бороды еще болѣе увеличивали ихъ опвращенность. Одни были окупаны въ женскія шали; другіе прикрывались конскими чепраками, испасканными попонами, лохмощьями забишными инеемъ, копорый, тая на огнѣ, лилъ съ нихъ ручьями; у нѣкоторыхъ одна нога была въ сапогѣ, другая въ башмакѣ. Не было ни одного, чей коспомъ не представлялъ бы жалкой и смѣшной уродливости. Но окруженные множествомъ споль забавныхъ по видимому фигуръ и сценъ, всѣ были мрачны и суровы. Молчаніе прерывалось только хрустѣніемъ дерева, шрескомъ огня, опдаленнымъ ропощомъ лагеря и сабель-

ными ударами, наносимыми убиной лошади теми из солдатъ, кои болѣе голодали, чѣмъ бы высѣчь изъ ней лучшіе куски. Нѣкоторые несчастные, успавшіе болѣе другихъ, спали. Когда кто-нибудь изъ нихъ скапывался въ огонь, никто не подымалъ его; ибо эти спрогнѣ логики думали, чѣмъ, если онъ еще не умеръ, то огонь самъ заставитъ его искать другаго болѣе покойнаго мѣста. Если несчастливцы пробуждались и погибали въ огнѣ, никто не жалѣлъ объ немъ; только нѣкоторые солдаты взглядывали другъ на друга, какъ будто для того, чѣмъ оправдать свою беззаботливостъ, повѣряя равнодушіе другихъ.

Молодая Графиня уже два раза была свидѣльницей подобныхъ сценъ: она оставалась безмолвною и неподвижною.

Когда разные куски мяса, брошенные на уголья, зажарились, то каждый началъ употреблять свой голодъ съ тою прожорливостію, кою имѣла, даже въ живописныхъ, кажется шакъ отвратительна.

— Въ первый разъ доводился мнѣ видѣть припадъ пѣхотинцевъ на одной лошади!.. вскричалъ гренadierъ, кою ея свалилъ.

Эта оспроша была единственнае свидѣтельство національнаго Французскаго духа.

Вскорѣ большая чася въ бѣднѣе заверну-

лись въ свои лохмотья, помѣспились на доскахъ, на всемъ, что могло предохранить ихъ отъ соприкосновенія съ снѣгомъ, и заснули, не заботясь о завпрашнемъ днѣ.

Когда Маіоръ ошогрѣлся и уполнилъ свой голодъ, непреодолимая дремота опятгопѣла надъ его рѣсницами. Юлія спала. Онъ глядѣлъ на нее, пока боролся еще со сномъ. Юлія была окутана въ шубу и шолспый драгунскій плащъ. Голова ея лежала на подушкѣ, замаранной кровью. Она спряпала ноги свои подъ плащъ. Мѣховая шапка, подвязанная плапкомъ подъ шею, предохраняла лице ея отъ холода, сколько было возможно. Въ эпомъ соспоянніи она не походила ни на что. Эпо была безобразная масса. Только когда Графиня обернула во снѣ голову свою къ огню, Маіоръ могъ видѣть ея закрышые глаза и часпѣ лба. Была ли по послѣдняя изъ шорговокъ, скишающихся за арміей? Или прелеспная женщина, слава любовника, царица баловъ, обожаемая сильфида, блиспающая красопой и свѣжеспью? Увы! самый проницапельный глазъ преданнѣйшаго друга не могъ различить ничего... Эпо была вещь безъ имени, связка пряпья и лохмотьевъ, шрупъ бездушный! Любовь успупила холоду, даже въ сердцѣ женщины!

Сквозь густую пелену, которую неодолимый сонъ проспиралъ надъ глазами Маіора, уже ви-

дѣлъ онъ мужа и жену, какъ двѣ маленькія почки. Пламя коспиря, эши разбросанныя фигуры, эша ужасная спужа, копорая ревѣла въ прехѣ шагахъ онѣ бѣгучей теплоты... все превращалось въ мушное сновидѣніе.

Безопвязная мысль превозжила Филиппа.

— » Мы погибнемъ всѣ, если я засну... нѣтъ... не буду спать. « ...

И онъ заснул!

Ужасный крикъ и взрывъ разбудили Филиппа скоро. Чувство долга, опасность Юліи, пали пошчасъ ему на сердце. Онъ испустилъ крикъ, подобный реву. Только онъ и его вѣрный солдашъ были на ногахъ. Они увидѣли море огня, пучину своенравнаго пламени, копорое, пожирая шалаши и бивуаки, во мракъ ночи, соспавляло безбрежный фондъ, гдѣ группы людей рисовались мрачными пятнами: попомъ крики опчаянія... вой... пысячи волнующихся призраковъ... лица неисповыя и—молчаніе ужасное!.. Среди сего пылающаго ада, колонна солдашъ двигалась къ мосту, промежь двухъ рядовъ труповъ.

— » Эпо опспупленіе аріергарда! « вскричалъ Маіоръ: »нѣтъ больше надежды! «

»Я пощадила швою карету, Филиппъ! « сказалъ одинъ дружескій голосъ.

Филиппъ обернулся и узналъ, при блескѣ пламени, молодаго Адьюшанша.

— » Ахъ! все погибло! « опвѣчалъ онъ. » Они сожрали мою лошадь!.. А какъ мнѣ поднятъ этого безмысленнаго Графа и жену его? «

» Возьми головню и погрози имъ! «

— » Грозить Графинѣ? «

» Прощай! « вскричалъ Адьюпантъ. » Едва оспавшись время для переправы ... а я долженъ переправиться. У меня мать во Франціи!.. О какая ночь!.. Эша сволочь лучше хочеть оспаваться на снѣгу и большая часть предпочитаетъ сторѣшь, чѣмъ подняться... Уже чепыре часа, Филиппъ!.. Черезъ два Русскіе пронущся. Увѣрю себя, что Березина еще разъ запрудится трупамъ!.. Филиппъ, подумай о себѣ! Сгруппай! лошадей нѣтъ: ты не можешь нести Графиню... Пойдемъ!..

— » Я, мой другъ!.. Мнѣ оспавить Юлію!.. мою Юлію! « ..

Маіоръ схватилъ Графиню, поднялъ ее на ноги, началъ прясать изо всѣхъ силъ въ опчяніи и заспавилъ проснувшись. Она глядѣла на него мершвыми, неподвижными глазами...

— » Надобно идти, Юлія! или мы должны погибнуть! « ..

Вмѣсто всякаго опвѣща, Графиня спаралась повалиться на землю, чтобы опять заснуть.

Адьюпантъ схватилъ горящую головню и

началь махань ею надъ самымъ лицомъ Графини.

— » Спасемъ ее пропивъ воли! « вскричалъ Филиппъ.

Онъ схватилъ Юлію и опнесъ въ карешу. Попомъ началъ просить друга своего о помощи; и оба, взявъ спараго Графа, не зная, живъ онъ или мершвъ, положили возлѣ Графини. Наконецъ, переворачивая ногою валявшихся по землѣ солдатъ, Маіоръ отобралъ у нихъ все, чпо они разграбили, свалилъ весь скарбъ на обонхъ супруговъ и бросилъ въ уголъ карешы нѣсколько кусковъ жаренаго лошадинаго мяса.

» Чпожъ пы хочешъ дѣлашь? «

— » Тащилъ карешу! « опвѣчалъ Маіоръ.

» Ты съ ума сошелъ! «

— » Да! правда! « вскричалъ Филиппъ, сложивъ руки на грудь.

Вдругъ опчаянная мысль какъ будпо овладѣла имъ.

— » Ты! « вскричалъ онъ, схвативъ за плечо своего солдата: » я поручаю ее тебѣ на одинъ часъ только . . . Помни, чпо пы долженъ скорѣ умереть, чѣмъ допустить кого бы по ни было къ карешѣ. « . . .

Сказавъ сіи слова, Маіоръ схватилъ въ одну руку всѣ бриліанты Графини, а другою, выхвативъ саблю, началъ осыпашъ пшжеловѣсными

ударами шѣхъ, кои казались ему наиболѣе крѣпкими и безспрашными изъ спящихъ.

Онъ успѣлъ разбудить колоссальнаго гренандира и двухъ другихъ, коихъ не лѣзя было распознать ранга.

— »Насъ жаряптъ! «... сказалъ онъ имъ.

— Вижу... опивѣчалъ гренандиръ.

— »Ну шакъ смерпъ за смерпъ! Не лучше ли продашь жизнь свою для прекрасной женщины и—можешъ быпъ—увидѣшь оипяпъ Францію? «.

— Я хочу спашъ!.. сказалъ одинъ изъ проснувшихся, повалившись оипяпъ на снѣгъ. И если шы допронешся еще до меня, Маіоръ, шо я пропорю шебъ брюхо...

— О чемъ дѣло, Г. Офицеръ? прервалъ гренандиръ. Видишь, эптопъ соня пьянъ!.. Вѣдь Парижской жипель!.. а эптопъ народъ, знаешь, любипъ понѣжипъся!..

—»Эпо все шебъ, храбрый гренандиръ!«—вскричалъ Филиппъ, подавая ему брилліантовое ожерелье—»если шы захочешъ слѣдовапъ за мной и драпъся, какъ бѣшеной... Русскіе на десяпъ минупъ опшюда; у нихъ есть лошади; мы пойдемъ съ шобой на первую бапарею и приведемъ пару рысаковъ.«...

— А часовые, Маіоръ?..

— »Одинъ изъ насъ проихъ.«... сказалъ онъ солдану.

Тутъ перервалъ онъ свою рѣчь и взглянулъ на Адьюпанта.

— »Вѣдь ты пойдешь съ нами, Ипполитъ!« продолжалъ онъ.

— »И пакъ... одинъ изъ насъ управился съ часовымъ... Сверхъ того, они вѣрно сами спятъ... эш. ... Русскіе!

— Хорошо, Маіоръ! ты славной солдатъ... Но ты посадишь меня послѣ въ свой берлинъ? сказалъ гренадиръ.

— »Безъ сомнѣнія, если ты не покинешь памъ своей шкуры.« ..

Сии при человѣка пожали руку другъ у друга; и — съ минушу продолжалось молчаніе.

— »Если я погибну, Ипполитъ и ты храбрый гренадиръ! обѣщайте мнѣ пожертвовать собой для спасенія Графини.« ..

— Рѣшено! вскричалъ гренадиръ.

Трое опчаянныхъ пустились къ Рускому войску, прямо на батарею, копорыя пакъ ужасно разгромили массу несчастливцевъ, валявшихся по берегу рѣки.

Они поѣхали шрое: воропились шолько двое.

Черезъ часъ, шопопъ двухъ скачущихъ лошадей раздавался по снѣгу; и пробужденная батарея сыпала ядрами, копорыя свиспали по годовамъ спящихъ; спукъ лошадиныхъ шаговъ

пакъ былъ часпъ, какъ будто кузнецы ковали желъзо. Великодушный Адьюшанпъ погибъ. Исполнинскій гренадиръ былъ цълъ и здоровъ; но Филиппъ, защищая своего друга, раненъ былъ шпыкомъ въ плечо. Не смопря на шо, онъ вцѣпился въ гриву лошади и сжалъ ее пакъ сильно колѣнками, чпо живошное находилось словно въ шискахъ.

— »Слава Бору! « .. вскричалъ Маіоръ, нашедши оспавленнаго солдапа неподвижнымъ и карешу на мѣспѣ.

»Если вы справедливы, Г. Офицеръ, шо вѣрно выхлопочете мнѣ креспикъ. .. Вѣдъ мы славно позабавились. . . Гм! « ..

— »Чпо мы сдѣлали? .. Запрягай-ка лошадей! Бери веревки! «

»Да эпихъ не доспанепъ! «

— »Ну пакъ спупай по эпимъ сонямъ, обери у нихъ шали и все пряпъе. « ..

»Ге! ге! да онъ умеръ, эпощъ забавникъ! « .. вскричалъ гренадиръ, обдирая перваго, копорый попался. »Они мершвые. « ..

— »Всѣ? «

»Всѣ, до одного! .. Несвареніе желудка послѣ лошадинаго мяса. . . снѣгъ. . . огонь. « ..

Сии слова заспавили содрогнувшись Филиппа. Спужа усилилась.

— «Боже мой! Потеряю я ту, которую я спасалъ уже двадцать разъ!»..

Онъ началъ сильно прятать Графиню, крича:

— «Юлія! Юлія!»

Графиня подняла голову и открыла глаза.

— «Ну, сударыня! мы спасены!»

— Спасены... повпорила Графиня, падая снова.

Наконецъ лошади были кой-какъ заложены. Маіоръ, держа саблю здоровой рукой, а поводья другой, вооруженный пистолетами, вскочилъ на одну лошадь, гренадиръ на другую.

Солдатъ, у котораго ноги ошмерзли, брошенъ былъ поперегъ кареты, на Графа и Графиню.

Лошади, погоняемые сабельными ударами, словно бѣшеные мчали экипажъ по равнинѣ. Но безчисленные затрудненія ожидали вездѣ Маіора. Когда онъ вскакалъ въ средину толпы, ему не возможно было ѣхать, не подвергаясь опасности раздавить, на каждомъ шагу, спящихъ безчувственныхъ мушкетеровъ, женщинъ и даже дѣтей. Напрасно искалъ онъ дороги, которую не за долго проложилъ себѣ аріергардъ по этой безпредельной массѣ людей: онъ долженъ былъ ѣхать наглымъ, весьма часто оспанавливаемымъ солдатами, которые грозились убить его лошадей.

» Хопите ли вы доѣхать? «

— »Гоповъ пожертвовалъ всею моею кровью... всѣмъ свѣпомъ!«... отвѣчалъ Маіоръ.

»Ну такъ маршъ! Бѣшь личницу, не жалѣй лица!«...

Гренадиръ пусшилъ лошадей во весь опоръ по людямъ, опрокидывая окровавленными колесами, бивуаки и прорѣзывая сугубый слѣдъ смерти. Однако должно опдашь ему справедли-воси, что онъ не пересцавалъ кричащъ громовымъ голосомъ:

»Гей! сволочь! берегись! «

— »Несчастные!« вскричалъ Маіоръ.

»Э! да вѣдь все равно! Либо зима, либо пунка приберепъ же!«...

И онъ гналъ безъ памяши лошадей, не жалѣя оспрен сабли. Но вдругъ воспослѣдовала каша-спроха, копорая должна была случипсья гораздо ранѣе и онъ копорой невѣрояпный случай до-полъ сохранилъ ихъ. Кареша опрокинулась.

»Я этого ожидалъ!« вскричалъ хладнокровный гренадиръ. »Э! э! да пріятель нашъ въ карешѣ также ошправился!«

— »Бѣдный Лоранъ!« сказалъ Маіоръ.

»А его звали Лораномъ! Не изъ дѣшаго ли-егерскаго?«...

— »Да!«...

»Такъ эпо мой двоюродный братъ! Ну! да скажашъ правду! жизнь не спойшъ теперь, чпобъ жалъшъ объ ней!»

Не лзя было поднятъ карепы и выпушашъ лошадей безъ важной пошери драгоцѣннаго, невозвратимаго времени.

Толчокъ, произведенный паденіемъ, былъ пакъ силенъ, чпо молодая Графиня очнулась, выпшла изъ оцѣпененія, кое-какъ высвободилась изъ подъ плашья и приподнялась. Она посмопрѣла вокругъ себя.

»Филиппъ!« вскричала она шихимъ голосомъ: «гдѣ мы?»

— »Въ пяписпахъ шагахъ опъ моста. Мы переправляемся черезъ Березину. По шу спорону, Юлія, я не буду васъ болѣе беспокоишъ!.. Я вамъ позволю спать, сколько угодно. Мы будемъ въ безопасосши... доѣдемъ спокойно до Вильны!.. И дай Богъ, чпобъ вы никогда не знали, чего мнѣ будетъ спойшъ жизнь ваша!« ..

»Ты раненъ!«

— »Эпо ничего!« ..

Но развязка приближалась.

Пушки Русскія возвѣспили день. Овладѣвъ Спуденкою, они начали громишъ равнину; и, при первомъ мерцаніи ушра, Маіоръ увидѣлъ колонны ихъ, двитавшіяся грозно на висопахъ.

Тогда вопль прерогги раздался среди безчувственной громады, покрывавшей равнину. Толпы въ одну минушу вскочили на ноги. Каждый инстинктуально понялъ опасносшь. Всѣ, машинальнымъ, неопредѣленнымъ движеніемъ, успремились къ мосту. Русскіе разливались съ быспрошою по-
жара. Мушцины, женщины, дѣпи, лошади — все ввалилось на мостъ. По счаспію Маіора и Графини, они находились еще въ опдаленіи опъ рѣки; ибо Генераль Эбле велѣлъ зажечь сван съ другаго берега.

Не смошря на извѣщеніе, которое дали опоздавшимъ на сію послѣднюю доску спасенія, никшо не хощѣлъ опспустипть назадъ. Не только мостъ, обремененный народомъ, подломился: но напоръ бурнаго пошока людей, хлынувшего на сей пагубный крушояръ, былъ пакъ спремипелень и неудержимъ, чшо цѣлая масса человѣческая ринулась спремглавъ въ волны, какъ глыба земли, какъ тяжельй обломокъ скалы, соспавленной изъ головъ и пѣть: не слышно было ни малѣйшаго крика—только глухой шумъ, словно камня, упавшаго въ воду! Березина покрылась шрупами. Попянное движеніе пѣхъ, кои опрокинулись назадъ въ равнину, чшобъ избавипсья опъ сей ужасной смерши, и неизбежное сполкновеніе съ шѣми, кои, ничего не зная, продолжали спремипсья впередъ, было причиною ужасной давки, въ коей задохлось множесшво народа. Графъ

и Графиня де Вандеръ были одолжены жизнию своей карепѣ. Лошади погибли раздавленныя, распоппанныя, сами распоппавъ и взмѣсивъ кучу шруповъ.

Маіоръ и гренадиръ нашли спасеніе въ своей силѣ. Они убивали, чѣмъ не быть убитыми.

Эпошъ ураганъ человѣческихъ лицъ, эпошъ приливъ и опливъ плѣтъ, одушевленныхъ однимъ движеніемъ, былъ причиною, чѣмъ берегъ рѣки оспался пущъ на нѣсколько минутъ. Народъ опшашнулся въ равнину. Нѣсколько человѣкъ бросились въ рѣку съ крупояра, вышиною въ двѣнадцать футовъ, сколько въ надеждѣ достигнуть другаго берега, копорый на ту пору соспавлялъ для нихъ Францію, сполько во избѣжаніе плѣна. Опчаяніе было эгидою нѣкопорыхъ другихъ: одинъ офицеръ добрался на ту спорону, перепрыгивая со льдины на льдину; другой солдатъ чудеснымъ образомъ вскарабкался на грудѣ шруповъ и льду. Но большая часпъ оспавшихся поняла, чѣмъ Русскіе конечно не захопляютъ перебитъ двадцать тысячъ безоружныхъ, окоспѣлыхъ, безчувспивенныхъ людей, копорые не думали и не могли защищаться.

Тогда Маіоръ, гренадиръ, спарый Графъ и его жена оспались ѳдни, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣспа, гдѣ находился моспѣ. Они спояли

на ногахъ всѣ чепверо, съ высохшими глазами, безмолвные, окруженные громадой холодныхъ шруповъ.

Нѣсколько крѣпкихъ солдатъ и офицеровъ, коимъ крайность возвратила всю энергію, собрались вокругъ. Они образовали изъ себя группу чловѣкъ въ пятьдесятъ. Маіоръ примѣнилъ въ двухъ шагахъ обломки большаго паромъ, копорый за два дня былъ разломанъ.

»Сдѣлаемъ плотъ!« вскричалъ онъ.

Едва произнесъ онъ сіи слова, какъ толпа бросилась къ обломкамъ. Тридцать чловѣкъ принялись за спройку. Двадцать другіе пуспились собирать желѣзные крючья, искавъ деревянныхъ брусевъ, веревокъ и другихъ нужныхъ маперіаловъ. Нѣсколько вооруженныхъ солдатъ и офицеровъ соспавляли спражу, командуемую Маіоромъ, для прикрытія работавшихъ отъ нападений, на копорыя могла покуситься опчаянная толпа, угадавъ ихъ намѣреніе. Чувство свободы, одушевляющее узниковъ и заспавляющее ихъ дѣлать чудеса, не можетъ сравниться съ шѣмъ, копорое оживляло несчастныхъ Французовъ.

— Вошъ Русскіе!... вошъ Русскіе!... кричали шѣ, кои прикрывали работавшихъ.

Между шѣмъ дерево прещало; плотъ росъ въ ширину, въ вышину и въ глубину. Генера-

★

лы, солдапы, полковники, стибались подъ пляжесью колесъ, веревокъ, желѣза и досокъ: это было наспоющее изображеніе спроенія ковчега!

Молодая Графиня, сидя подлѣ своего мужа, смопрѣла на сіе зрѣлище съ сожалѣніемъ, что не могла учаспвовашъ въ общей работѣ. По крайней мѣрѣ она помогала вязашъ узлы, чпобѣ укрѣпипъ веревочныя снаспи.

Наконецъ плошъ былъ окончанъ. Сорокъ челоѣкъ сбросили его въ рѣку, между пѣмъ какъ челоѣкъ десяшъ солдѣшъ пѣнули веревки, копорыя должны были держашъ его у берега.

Какъ скоро спроеипели увидѣли, что ихъ судно плавало по Березинѣ, немедленно ринулись въ него опромешью, съ неисповымъ эгонзомъ.

Въ одну минупу плошъ былъ покрынтъ людьми.

Маіоръ, спрашасъ буйной яроспи первого движенія, держалъ за руки Юлію и Графа: но онъ запрепешалъ, когда увидѣлъ плошъ, весь почернѣвшій людьми, кои пѣсчились на немъ, какъ зрешели въ партерѣ театра.

— »Грубіаны!«... вскричалъ онъ. »Не я ли первый подалъ вамъ мысль?... я вашъ спаситель, а мнѣ нѣшъ и мѣспа!«...

Смутный шумъ былъ ему опвѣштомъ... Люди, споявшіе на краю плоша съ шеспами, упер-

лись изъ всѣхъ силъ въ берегъ, чѣмъ перебросишь его на ту сторону, сквозь груды льдинъ и шруповъ.

— Бездѣльники! вскричалъ гренадиръ ужаснымъ голосомъ: я васъ брошу всѣхъ въ воду, если вы не примете Маіора и двухъ его спутниковъ!...

И, поднявъ саблю, онъ воспрепятствовалъ отправленію; попомъ, не смотря на ужасной крикъ, велѣлъ спѣснить ряды.

— »Упаду! Падаю!« кричали со всѣхъ сторонъ. »Бѣдемъ! Пошомъ!«

Маіоръ смотрѣлъ изсохшими глазами на Юлію, которая подняла взоры свои къ небу съ чувствомъ высокой покорности.

»Умереть съ побоею!« .. сказала она.

Между тѣмъ положеніе людей, набившихся на площадь, представляло нѣчто комическое. Всѣ кричали; но никто не смѣлъ перечить гренадирю: ибо видѣли, что это былъ человекъ, который могъ сбросить весь народъ въ рѣку, опрокинувъ одного. Въ сей опасости, одинъ Полковникъ попытался сполкнуть самого гренадира; но лукавый солдатъ, замѣтивъ неприязненное движеніе офицера, схватилъ его и кинулъ въ воду, примолвивъ:

»А! а! гусь! вѣрно захопѣлъ напишья... такъ подижь!« ..

»Вопъ два мѣспа!« вскричатъ онъ попомъ. »Ну, Маіоръ! бросай красавицу и иди самъ. Кинь на берегу эту спарую вепошь, копорая завпра околѣепъ!«

— Проворнѣй! вскричали спо голосовъ въ одинъ голось.

»Гей, Маіоръ! Они ворчапъ—и по дѣломъ!.. Ну же, скорѣе!«..

Графъ де Вандьеръ высвободился изъ подъ шубъ, копорыми былъ окупанъ, и показался въ своемъ Генеральскомъ мундирѣ.

— »Надобно спаси Графа!« сказалъ Филиппъ. »Эпо вашъ долгъ!«

Юлія сжала руку своего друга. Она бросилась къ нему на шею и обняла его. То было ужасное объятіе!

»Прощай!« сказала она.

Они поняли другъ друга.

Графъ де Вандьеръ напелъ силы и присупсивіе духа, чпобъ соскочипъ на площъ. Юлія слѣдовала за нимъ, бросивъ послѣдній взглядъ на Филиппа.

»Маіоръ!.. Хоппие ли заняпъ мое мѣспо!.. я плюю на жизнь!« вскричалъ гренадиръ. »У меня нѣпъ ни жены, ни дѣшей, ни мапери.«..

— »Я поручаю тебѣ ихъ!« кричалъ Маіоръ, указывая на Графа и его жену.

»Будышежъ покойны... я ихъ спану беречь, какъ гмазъ.«..

Плютъ былъ брошенъ съ такою силою на берегъ, прошивоположный пому, гдѣ Филиппъ оспался неподвижный, чпо прикосновеніе къ землѣ ужасно попрясло его. Графъ былъ на краю и свалился въ воду; въ шу минушу, какъ онъ падалъ, льдина ошперла ему голову и ошбросила далеко по волнамъ, какъ шаръ:

» Гей!... Маіоръ!... кричалъ гренадиръ.

— Прощай!... кричала женщина.

Филиппъ де Сюси упалъ, пораженный ужасомъ, изможденный холодомъ, сожалѣніемъ, усталостью и скорбью

(окончаніе слѣдуетъ).

IV.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ

ЖИТЕЛЕЙ ОКЕАНИ.

(ВАЛЬЕН).

Разсмапривая общеспвенное соспояніе безчисленныхъ поколѣній жипелей Океаніи, прежде всего мы видимъ, чпо они предспавляюптъ, шакъ сказапъ, двѣ главныя опспасли самобыпной образованности, опспасли совершенно разлнчныя между собою. Первая опспасль, содержащая великіе народы Индійскаго Архипелага, кажепся, заимспвуептъ свое происхождение оптъ народа неизвѣспнаго, копорый, по мнѣнію Г. Крауфурда, говоритъ языкомъ Велико-Полинезійскимъ; сей разсадникъ народовъ мы назовемъ Явано-Малайскимъ; ибо Яванцы и Малайцы безспорно супъ первобышныя жипели, независимо оптъ всякаго вліянія иноспраннаго спавшіе очень высоко на лѣспвицѣ образованныхъ народовъ сей часпни свѣща. Вспоряя опспасль, заключающая всѣхъ прочихъ жипелей Океаніи, предспавляептъ образованность несравненно ниже первой. Въ ней можно видѣпъ при главные опспѣнка, кои можно назвапъ шрема разсадниками, Авспральскимъ, Королинскимъ и Полинезійскимъ, по именамъ спранъ, содержащихъ наибольшее число огражданспвовавшихся поколѣній.

Тонкія и ученія изслѣдованія Г. Крауфурда касательно расадника Явано-Малайскаго доказываютъ, что въ Малезіи гражданская образованность развилась безъ соучастія Спарого и Нового Мира. Сія образованность во многовѣковомъ развитіи своемъ приняла ходъ совершенно особый и разпроспранилась отъ Мадагаскара къ воспочнымъ берегамъ Африки и до острова Пасхи къ берегамъ Америки. Здѣсь, равно какъ и на спаромъ машерикѣ, вездѣ видны слѣды древняго поколѣнія, сильно изображающагося въ языкѣ, въ общественныхъ учрежденіяхъ, какъ гражданскихъ, такъ и священныхъ, во нравахъ и обычаяхъ великаго множества народовъ, хотя нельзя опредѣлить почной эпохи существованія его и указать мѣсто его колыбели. Сія гражданская самобытная образованность, основаніе общественнаго оспоянія, въ коемъ находятся безчисленныя поколѣнія Малайскія, и слѣды коего видны въ народахъ, разсѣянныхъ на двухъ прешяхъ шара земнаго, безспорно принадлежатъ народу, какъ думаютъ ученые филологи Марзень и Крауфурдъ, говорившему Велико-Полнезійскимъ языкомъ: феноменъ единственнѣйшій въ испоріи челоука, особенно если мы подумаемъ, сколь мало средствъ имѣлъ сей народъ къ распроспрашенію своихъ колоній на проспранспѣ шоль безпредѣльномъ. Изслѣдованіе языковъ, коими говорятъ безчисленныя поко-

лѣнія Малайскія на споль обширномъ пространствѣ, сравненіе ихъ нравовъ, обычаевъ, ихъ учрежденій, полипическихъ и священныхъ ихъ сказаній и преданій народныхъ: все указываетъ очевиднымъ образомъ на разсадникъ самобытной образованности, къ коему, такъ сказать, привива послѣ того образованность иноспранная, въ разныя эпохи занесенная Индусами, Арабами, Кишайцами и наконецъ Европейцами.

Сіи основанія ведуць насъ къ заключенію, чпо сей народъ неизвѣстный, но въ сущесствованіи котораго нельзя сомнѣваться, съ незапамтныхъ временъ безъ всякаго иноземнаго вліянія сдѣлалъ успѣхи въ земледѣліи; зналъ употребленіе желѣза, золота и олова, умѣлъ обрабатывать мѣдаль, владѣлъ искусствомъ шкать матеріи изъ волокнистой части одного пуземнаго распенія; сдѣлалъ ручными буйвола и корову и употреблялъ ихъ для земледѣлія и для перевозу; выкармливалъ курицу, утку и свинью, для умноженія средствъ къ продовольствію; далъ себѣ правильный образъ правленія; учредилъ ярмарки и рынки, производившія въ определенное время; имѣлъ у себя календарь гражданскій и земледѣльческій; имѣлъ ариеметтику, довольно обширную, и даже споль возвысился, чпо избрѣлъ азбуку. Сіи доказательства подтверждають предположеніе Крауфурда, чпо на оспровѣ Явѣ развилось сущесствование сего неизвѣст-

наго народа и слѣдовательно здѣсь должно искать колыбели всей самобытной образованности Морскаго Міра.

Главные народы, принадлежащіе къ разсаднику Явано-Малайскому, суть Яванцы и Малайцы, собственно пакъ называемые, горные жители, населяющіе часть Явы, именуемую Сундою, Баттасы, Ахинеи, островитяне Бали, Сумбавскіе Бимы, Богуи и Макасары Целебескіе, Тагалы, Бисайосы, Сулусы и Минданао Филиппинскаго Архипелага.

Опличительная черта, болѣе всего опдѣляющая опъ образованности всѣхъ народовъ образованность сего разсадника, есть чрезвычайное разнообразіе азбукъ, употребительныхъ между ними, хотя обспоятельствва совершенно не могли благопріиспсвовать легкости и даже необходимости ихъ изобрѣненія. Баттасы, Редянги и Лампонги говорятъ языками не споль различными между собой, какъ на пр. языки Французской, Испанской и Италіанской, и все прое живутъ на одномъ островѣ; однакожъ для выраженія своихъ мыслей употребляютъ буквы совершенно различныя, какъ будто бы языки ихъ совершенно различны между собою. Тотъ же феноменъ, единспвенный въ испоріи чловѣка, повпоряется при сравненіи языковъ Сунды, Тагаловъ, Богуевъ и Яванцевъ, принадлежащихъ къ одному корню.

Разсадники Австральской, Каролинской и Полинезийской, въ развитіи своемъ представляють ходъ, не столь скорый, какъ разсадникъ Явано-Малайскій; можно даже сказать, что онъ давно остановился. Но какъ ни мала сія образованность въ сравненіи съ Малайской, все она достойна примѣчанія, особливо когда представимъ себѣ неблагопріятныя обстоятельства для людей въ сей странѣ, чтобы выдти изъ дикаго состоянія. Лишенные помощи домашнихъ животныхъ, не зная употребленія металловъ самыхъ полезныхъ, разбѣянные по безпредѣльному морю, они занимаются земледіемъ; соединены подъ спройнымъ правленіемъ; раздѣляются на касты, имѣющія особенныя права; повинуются ученію религіозному и въ отношеніи къ наследственнымъ властямъ сохраняють чинность, которая по строгости своей и подробностямъ можетъ сравняться съ юговосточною Азіатскою чинностію. Вдали отъ народовъ образованныхъ, сіи островитяне спроятъ хижины, весьма удобны по мѣстнымъ обстоятельствамъ, одѣваются или наспоящими матеріями, или цитовками, искусно пригошовленными; воздвигаютъ нѣкоторыя грубые памятники; наконецъ съ удивительнымъ шціемъ спроятъ пироги—удивленіе мореплавателей—на коихъ, руководствуясь небесными светилами и познаніемъ вѣтровъ, по всемъ на-

правленіямъ спранспвуютъ по обширному океану.

Чтобы соединить главныя черпты, служившія намъ къ проведенію разграничивающей линіи между сими премо разсадниками самобытной образованности, и каждому народу назначить принадлежащее, можно распредѣлить ихъ слѣдующимъ образомъ.

Авспиральный разсадникъ можетъ заключать въ себѣ Негровъ, менѣе 'грубыхъ и дикихъ. Хотя доселѣ извѣстны очень не многіе народы, сюда принадлежащіе, но впереди всѣхъ ихъ должно поспавить оспровишянтъ Новой Ирландіи, новой Врепани, Санша - Круца, нѣкопорыхъ оспрововъ Соломонова Архипелага и Папуазіи или Новой Гвиней. Сіи народы знаютъ употребленіе лука и спрѣлъ, неизвѣстное народамъ оспраси Кородинской и Полинезійской; нѣкопорые умѣютъ дѣлать глиняную посуду; и вообще всѣ имѣютъ много вкуса и ловкости въ изваяніяхъ, коими украшаютъ свои пироги и воропа домовъ. Здѣсь мы должны замѣнить двѣ особенности, принадлежащія сему вароду, свѣденіемъ конхъ обзаны мы Г. Лессону. Сей напуралистъ примѣнилъ, что у оспровишянтъ Вегіу и Дори употребляются деревянныя изголовья, выдѣланныя съ большимъ или меньшимъ искусствомъ, предспавляющія пару сѣнковыхъ головъ — Египетскую принадлежность!

ныхъ у Полинезийцевъ. Пращи, каменья, заво-
спреинные колья съ наконечниками изъ рыбьей
кости, попоры изъ раковинъ—вопъ обыкновен-
ныя и всегда упошребительныя ихъ оружiя!»

Промышленность, свойственная симъ наро-
дамъ, состоитъ въ выдѣлыванiи матерiй. Австрa-
лiйцы и Полинезийцы, болѣе образованные, для
одежды своей упошребляютъ кору хлѣбнаго де-
рева, обмолоченную и вымашую. Каролинцы на-
прошивъ изъ шелковистыхъ нитокъ банана, ок-
рашенныхъ желтымъ, чернымъ, краснымъ цвѣ-
томъ, шкуютъ прекрасныя машери, посредст-
вомъ инструментомъ, очень похожихъ на Евро-
пейскiе. «Смотря на сiя шкани, со вкусомъ укра-
шенные рисунками» — говоритъ сей машура-
листъ — «не лзя не опнестн начало сего усо-
вершенствованнаго искуства къ поколѣнiю,
издревле образованному, и давно уже сославив-
шемуся въ народное плѣмо. Иначе почему бы
Каролинцамъ не взяпсья за хлѣбное дерево,
споль обыкновенное на большей часпн ихъ
острововъ, которое слѣдовало бы только об-
молоспшъ, и шакимъ образомъ превращспш въ
машерино? Опъ того, чпо по преданiю сохра-
нили они искуство, болѣе усовершенствован-
ное въ первобытномъ ихъ опечеспвѣ, и про-
мышленность ихъ умѣла извлечь изъ того свою
пользу.»

«Любопытно» — говоритъ Г. Жюль де Блосс-

севиль—занимательно описывать подробности ткацкого искусства у народа Океани, который только съ своими средствами почти заставляя нас забыть прекрасныя коровья пологна Гавандевъ и Апагипянь, шонкія цинвки Ропумскія, шелковыя плащи Новой Зеландіи и знаменитыя покровы Мадагаскарскіе. Сія занимательность увеличивается, при мысли, что въ Спаромъ Свѣтъ обрабатываніе тканей перелепся въ глубокой древности; но въ Америкѣ и на всѣхъ островахъ Полинезиі изобрѣтеніе сего искусства выше соспоянія умственныхъ ихъ силъ. Конечно разность великая между лепучимъ челнокомъ и механическими способами тканья; но чудеса нашей промышленности уже не столько удивительны въ глазахъ того, кто увидитъ, до какой степени совершенства, до какого изящества прудолюбивыя островитяне, не знаемые на земномъ шарѣ, дошли безъ образцовъ и самыми простыми средствами.»

Разсадникъ Полинезійскій можетъ заключать не только Архипелагъ Тонга (Друзей), Гамоа (Мореходцевъ), Куковъ, Апаипи (Товарищесства), Мендана (Маркизовъ), Гаваи (Сандвичевъ), и Споряды, принадлежащія племени Малайскому, но и островитянъ Тасманіи (Новой Зеландіи) и Негровъ, населяющихъ Архипелагъ Випи. Между этими народами Апаипяне, Тонга и Гаваипи сдѣлали болѣе успѣховъ въ образованности до при-

бытія Европейцевъ. Всѣ образованныя поколѣнія, заключающіяся въ семь опдѣленій, вырабаты-
ваютъ шпонкія матеріи изъ коры *ауте* (*brongia-
volentia raryrifera*) и грубыя половина изъ
коры хлѣбнаго дерева. Они выдѣлываютъ ихъ
четверостороннимъ молотомъ, со всѣхъ чепы-
рехъ споронъ зубчатымъ, ударяя по корѣ раз-
мягченной и напипанной клеемъ. У всѣхъ одинъ
и тотже способъ выработыванія, равно какъ
и искусство покрывать ихъ каучукомъ для
непроницаемости. Такія соображенія произошли
не отъ случая, но отъ ремесла, издавна произ-
водимыхъ предками сихъ народовъ. Всѣ Поли-
незійцы приготавливаютъ и варятъ себѣ пищу
въ подземныхъ печахъ съ помощію раскален-
ныхъ камней; для своихъ различныхъ нуждъ
они употребляютъ листья распеній; они об-
рабатываютъ плодъ хлѣбнаго дерева, коко, шаро, въ
супъ; пьютъ *каву* или *аву*, сокъ изъ мака, упое-
вающей и развеселяющей.

До прибытія Европейцевъ къ ихъ островамъ,
сіи народы были рабами ужаснаго суевѣрія, назы-
ваемого по ихъ *табу*, налагавшаго на нихъ мно-
жество лишеній и спойвшаго жизни безчислен-
нымъ невиннымъ жертвамъ. Сей законъ подъ
смертною казнію запрещалъ женщинамъ ѣсть
свинину, бананы и кокосы, пользоваться огнемъ,
засвѣченнымъ отъ мушины, и входить въ шуду;
гдѣ ѣдятъ мушины. Предшественникъ знаме-

нишаго Тамегамеги I былъ до такой степени *табу*, что во время дня никто не долженъ былъ сморщить на него, и того безъ пощады казнили смертию, кто бы взглянулъ на него, хопя не нарочно.

— » Безъ сомнѣнiя « — говоритъ Г. Дюрвилъ въ своемъ разсужденiи о *табу* Ново-Зеландцевъ—»первоначальная цѣль сего успановленiя была та, чтобы укротить гнѣвъ божества, умиловивши его, налагая на себя произвольное лишенiе, сообразное съ важностию преступленiя и мнимаго гнѣва Божiя. Одно слово жреца, сонъ, или какое нибудь невольное предчувствiе, можетъ убѣдить жителя, что Богъ на него прогнѣвался; и вдругъ налагаетъ онъ *табу* на свой домъ, на поля, на пироги и пр. что естъ, лишаетъ себя добровольно употребленiя сихъ предметовъ, не сморща на зашрудненiя и бѣдствiя, въ кои должно привести его сiе лишенiе.«

»Иногда *табу* бываетъ совершенный и простирается на всѣхъ людей; тогда ничто не можетъ приближаться къ предметамъ запрещеннымъ, не подвергаясь жесточайшему наказанiю. Иногда *табу* бываетъ только частный и касается одного или нѣкоторыхъ людей. Человѣкъ, лично подвергающiйся дѣйствию *табу*, исключается отъ всякаго сообщенiя съ соотечественниками и не смѣетъ даже брать пищу своими руками. Если онъ принадлежитъ

*

къ благородному классу, по нѣсколько служителей назначаются раздѣлять съ нимъ его за-
прещеніе; если онъ человекъ простой, то
рпомъ на подобіе живописныхъ долженъ при-
нимать свою пищу.»

»Очевидно, что *табу* бываетъ тѣмъ порже-
спвеннѣе и важнѣе, чѣмъ значительнѣе особа,
подвергающаяся ему. Простой человекъ, подвер-
гаясь всѣмъ *табу* разныхъ начальниковъ сво-
его колѣна, самъ можетъ налагать его только на
себя одного. Рангопира (начальникъ), по чину
своему, можетъ подвергать *табу* всѣхъ не-
посредственно зависящихъ отъ его власпи. На-
конецъ все племя слѣпо уважаетъ *табу*, нало-
женное главнымъ начальникомъ. Изъ сего видно,
какую выгоду могутъ получать начальники изъ
сего обыкновенія, какъ они могутъ сохраняя
права свои и заставляя уважать свою волю. Это
родъ *veto*, безпредѣльно обширный, коего сила
освящена набожными предразсудками человѣче-
ской природы. Въ Европѣ, во времена невѣже-
ства, духовные перуны Вапиканскіе не имѣли
споль быспраго, споль безусловнаго дѣйствія
на совѣспъ робкихъ Христіанъ, и Папскія опре-
дѣленія не вспрѣчали шакого повиновенія, какое
оказываютъ къ *табу* въ Новой Зеландіи.»

»При недоспапкѣ положительныхъ законовъ къ
утвержденію своей власпи и положительныхъ

средствъ къ подкрѣпленію своихъ повелѣній, начальники не имѣютъ другого обезпеченія, кромѣ *табу*. Если начальникъ боится недоспѣлка въ свиньяхъ, въ рыбѣ, въ раковинахъ и пр. по причинѣ неумѣреннаго и преждевременнаго попребленія со стороны подданныхъ; то онъ налагаетъ на нихъ *табу*, и на сколько времени, какъ ему разсудится. Если онъ хочетъ удалить скучныхъ сосѣдей отъ своего дома и отъ полей, то накладываетъ *табу* на свой домъ и на поля. Если онъ хочетъ присвоить себѣ монополію съ кораблемъ, приславшимъ къ его землѣ, то частное *табу* удалитъ всѣхъ, съ коими не хочетъ онъ раздѣлять выгодной торговли. Если онъ недоволенъ капишаномъ корабля и рѣшился лишить его свѣжихъ запасовъ всякаго рода; то всеобщій *табу* никому изъ его колѣна не позволитъ приближаться къ кораблю. Съ помощію сего таинственнаго и опаснаго оружія, благоразумно пользуясь имъ, начальникъ можетъ привесить своихъ подданныхъ къ спрѣдательному повиновенію. Начальники и арики или жрецы, разумѣется, всегда дѣйствуютъ за одно, чѣмбы доспавить своему *табу* всю важность. Припомъ начальники часто сами бываютъ ариками, или по крайней мѣрѣ арики бываютъ соединены съ ними узами крови или другими связями. И пакъ взаимныя ихъ выгоды пребуютъ того, чѣмбы поддерживать другъ

друга. Кто проспираетъ свящешапсвенную руку на запрещенный предметъ, шотъ призывается на себя гнѣвъ Бога (Atoua), кошорый не премѣнно накажетъ его. Но чаще начальники и жрецы, предупреждая дѣйствіе небснаго гнѣва, сами спрого наказываютъ виновнаго. Если онъ принадлежишъ къ высшему классу, шо лишаешся своей собспвенности и чина и переводишся въ самый низшій классъ общества. Простой же человекъ и невольникъ одною смертію омываешъ свое преспушленіе.

Въ Океаніи почти нѣшъ ничего, напоминающаго Америку; но нѣкопорыя живошныя и рашенія, полезныя человеку, религіозныя идеи и преданія, игры и забавы, многіе обычаи и нѣкопорыя искуства, даже аналогія въ граммашическиххъ формахъ языковъ, коими говоряшъ ея образованнѣйшіе народы, показываютъ произхождение Азіашическое и сообщенія, кои въ различныя времена Океаническіе народы имѣли съ народами Азіашскими.

Индусы, и особенно Телинги, Аравішяне и Кипайцы, сушъ шри народа, содѣйспвовавшіе образованности Западной Океаніи (Архипелага Индіашкаго): первые два посредшвомъ своего фанашизма, Кипайцы своею неупомимою промышленностію. Величешвенныя развалины, коими, шакъ сказашъ, усяна восшочная спорона Явы; *кави* или древній письменный языкъ Яванцевъ, еще

употребительный на острове Бали; религии Браммы и Будды, еще господствующія на семъ послѣднемъ острове и въ нѣкоторыхъ гористыхъ кантонахъ острововъ Явы и Мадурѣ; названія мѣди, серебра и другихъ полезныхъ предметовъ, также высшихъ чиселъ, суть очевидныя слѣды раннихъ отношеній между образованными народами Малайскими и Индійцами. Магомезанизмъ, исповѣдуемый почти всѣми образованными Малайскими народами, многіе законы гражданскіе и уголовныя, азбука употребительная у Малайцевъ, собственно такъ называемыхъ, большая часть національной литературы и великое число опвлеченныхъ терминовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ нарѣчіямъ, доказываютъ вліяніе Аравіянъ на образованность сей части Океаніи. Нѣкоторыя обычаи и великое число Кипайцевъ, поселившихся почти на всѣхъ главныхъ островахъ сего великаго Архипелага, суть неоспоримое доказательство древнихъ и продолжающихся доселѣ сношеній торговыхъ между ихъ жилищами и Кипайцами.

Разсматривая вліяніе Европейцевъ на образованность народовъ Океаніи, должно согласишься, что сіи пришельцы не только не улучшили участи сихъ народовъ введеніемъ новыхъ искусствъ и усовершенствованіемъ ихъ, кои здѣсь нашли; напротивъ, по крайней мѣрѣ до начала девятнадцатаго вѣка, вредили имъ

въ проякомъ отношеніи: къ богатству, могуществу и образованности. Англичане, говоритъ Г. Крауфурдъ, кажутся, менѣе другихъ: Европейцевъ имѣли вліяніе на нравы. Малайцевъ, среди коихъ поселились. У природныхъ жителей нѣтъ никакого признака, чѣобы Англичане жили между ними; между тѣмъ во всѣхъ прочихъ странахъ замѣтно вліяніе Португальцевъ, Испанцевъ и Голландцевъ.

Обозрѣвая общественное состояніе, въ которомъ находятся образованные народы разныхъ частей Морского Мира, нельзя не подивиться, что Малайцы, сдѣлавшіе такіе успѣхи въ образованности и возвысившіеся даже до изобрѣтенія азбуки, почти совершенно не имѣютъ никакого вкуса въ архитектурѣ. Во всей Океаніи не найдешь слѣда тѣхъ величественныхъ памятниковъ, коими усыяна вся южная Азія и длинная долина Нильская и копорые находятся у Мексиканцевъ, Гвапимальцевъ и Перувианцевъ, хотя сии послѣдніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ниже, чѣмъ жители Западной Океаніи; ибо у нихъ не было азбуки. Какое неизмѣримое разстояніе между грубыми памятниками Тиніана и Сайпана, колоссальными и безобразными статуями Острова Пасхи, ошрапительными идолами капищъ Полинезійскихъ, и между изваяніями Прудунга, Кало-Бенинга, Брамбанана, прекрасными колоссальными статуями Сингазари, Кобудалама, Шанд-Се-

ву, Пенапавы, и великолѣпными храмами Брамбанана, Боро-Бодо, Сингазари, Прудунга, и другими! Но жипелямъ Океаніи основашельно можно приписашъ только первые памятники: ибо копсюмы, фizioноміи, эмблемы, распенія и живописныя, представляемыя на впорыхъ, споль превосходныя предъ первыми по опдѣлкѣ, по числу и по размѣрамъ, очевидно показывають произхожденіе иносипранное. Съ эпшой почки зрѣнія, оспровъ Ява, особенно воспочная часпъ его, въ опношеніи къ Океаніи, поже, чпо спрамы Нила и Апласа въ опношеніи къ Африкѣ, съ птѣмъ различіемъ, чпо большая часпъ гордыхъ памятниковъ Египша безспорно принадлежишь природнымъ жипелямъ, а памятники Яванскіеносяшь на себѣ очевидныя слѣды Азіатскаго произхожденія.

Родъ украшенія, вообще упопребишельный между Полинезійцами и Ново-Зеландцами, накальванье птѣла разными узорами, заслуживаетъ вниманіе. Сін узоры, накальваемые неизгладимымъ образомъ, и скрывающіе, пакъ сказашь, нагошу его, кажешся, чужды поколѣнію Негровъ, кошпорые упопребляють его очень рѣдко и приномъ грубо и несовершенно, и замѣняють его болѣзненными рубцами конической формы, производящими опъ насѣчекъ. Сія операція, у каждаго народа имѣющая свое названіе, упопребляется не только, какъ гіероглифическое и фан-

наспическое украшение; но служилъ вмѣстѣ къ означенію классовъ или чиновъ. Оспровипіане Помопуса (Низанихъ Оспрововъ) покрываютъ все шѣло сими узорами; сосѣди ихъ Таипшыне не такъ много упошребляютъ ихъ, особливо на лицѣ совсѣмъ не носятъ, а вмѣстѣ съ жипшелями Тонги, проводящъ по немъ слетка нѣкошорыя черпы, какъ-то: круги и звѣзды; между шѣми жипшели Сандвичева Архипелага, все народонаселеніе Менданы и Новой Зеландіи, совершенно покрываютъ все лице черпами по правиламъ принятымъ и знаменательнымъ.

Мапери, на Сандвичевомъ Архипелагѣ, говорятъ Г. Морино, сами узорящъ своихъ дѣтей. Узоренье въ семъ возрастѣ имѣетъ цѣлю показашъ происхожденіе каждаго. Сии знаки, для насъ спранные, показываютъ, къ какому племени и какому семейству дитя принадлежатъ. Со временемъ другія фигуры служатъ воспоминаніемъ какого-либо знаменитаго дѣла или другаго происшествія. Упошребительнѣйшіе признаки суть полосы, накальваемые зиг-загами на рукахъ и на ногахъ. Люди средняго возраста носятъ на груди или на рукѣ имя Тамегамети. Женщины всѣ имѣютъ кругъ около правой ноги; очень часпо на ладони у нихъ изображающія звѣзды, кольца, луна; у многихъ языкъ бываетъ исколонъ. Изображеніе козъ играетъ великую роль въ новѣйшемъ способѣ накальванья. Многіе

Индійцы имѣютъ рисунки на всѣхъ частяхъ шѣла, даже на лбу, на щекахъ и на носу. Впрочемъ сіе обыкновеніе уже исчезаетъ: Король не узорился вовсе, а придворные его только слегка.

Женщины въ Новой Зеландіи, равно какъ на Архипелагѣ Менданскомъ, накалываютъ себѣ рисунки между бровями, при разрѣзѣ губъ и часто на подбородкѣ. Въ Таити узоренье, если не бываетъ простымъ украшеніемъ, представляетъ рисунки, особенно принадлежащіе каждому изъ семи классовъ Арреойсовъ, и напоминающіе событія историческія. Часто на ногахъ изображается кокосовое дерево, а на груди сраженія, экзерциціи, собираніе плодовъ, оружіе, живописныя, человѣческія жертвоприношенія. Вообще узоренье у народовъ, принадлежащихъ къ центру образованія Полинезійскаго, состоитъ изъ круговъ и полукруговъ, обнесенныхъ кружевными бордюрами, кои похожи на безконечный кругъ Индійской Мифологіи. Узоренье у жипелей Рошумы совершенно различно: у нихъ верхнія части шѣла покрываются нѣжными рисунками, чертами легкими, рыбами и другими предметами, а на брюхѣ, спинѣ и ладьяхъ, изображаются массы свивчивыя и смѣшанныя. Узоренье у народовъ центра Каролинскаго образованія оплчается опъ узоренья прочихъ Полинезійцевъ тѣмъ, что массы его гораздо шире на шѣлѣ, и у многихъ

все шуловище имъ покрыпо. Такимъ образомъ производить родъ одежды не испытывающей, но въ подробностяхъ весьма произвольной.

Недоспашокъ большихъ равнинъ, покрытыхъ распеніями, не позволяющъ жителямъ Океаніи предаваться пастушеской жизни. Жители Морского Мира, менѣе образованные, занимаются охотою и рыбною ловлею. Мѣстопробываніе необходимо дѣлающъ ихъ неуспрашиваемыми мореплавателями и пловцами, самыми искусными въ свѣтѣ. Здѣсь пироги замѣняютъ лошадей и верблюдовъ кочующихъ народовъ Спарого Свѣта; и любые корсеры Сумапры, Целебеса, Борнео, Сулу и Минданао, на Индійскомъ Архипелагѣ играютъ ту же роль, какую въ Азіи и въ Африкѣ Аравишяне, Бедуины, Мавры, Калмыки, Монголы, Курды.

Въ Морскомъ Мирѣ народы поколѣнія Малайскаго, въ отношеніи къ черной породѣ Океаніи, сущъ шже, что народы бѣлой породы въ Спаромѣ и Новомъ Свѣтѣ, въ отношеніи къ черному Африканскому и бронзовому поколѣнію. Вездѣ бѣлые сохраняютъ и развиваютъ образованность; вездѣ имѣютъ они чрезвычайное преимущество надъ чернымъ и бронзовымъ поколѣніемъ, побѣждаютъ ихъ и спѣсняющъ въ дѣсахъ и въ горахъ. Равнымъ образомъ народы

Малайскіе, бѣлые Морскаго Міра, вездѣ искоренили или поработили поколѣніе черное и загнали его въ лѣса и въ мѣста самыя неприступныя. Сіи народы уже совершенно исчезли изъ Явы; на Сумапрѣ же и Целебесѣ оспались въ самомъ маломъ количествѣ. Въ Борнео, Минданао и Люсонѣ, они удалились во внутренность страны и уступаютъ берега новымъ пришельцамъ. Можно считать Центральную Океанію единственнымъ мѣстомъ, коимъ владѣетъ сіе поколѣніе, которое въ другихъ мѣстахъ почти вездѣ находится на послѣдней ступени униженія нравственнаго и ослабленія физическаго и коего общественное состояніе чрезвычайно пропавуположно, кромѣ малыхъ исключеній, состоянію всѣхъ народовъ Малайскихъ.

Людоѣдство нигдѣ шакъ не распространено, какъ въ Морскомъ Мірѣ. Не только можно сказать, что всѣ народы Полинезійскіе людоѣды, равно какъ поколѣнія Малайскія, Негры Западной Океаніи и Океаніи Центральной; но должно прибавить, что сей обычай вкорененъ даже между народами образованными и у иныхъ сопровождается такими общепышествами, кои дѣлаютъ его еще ужаснѣе. Въ числѣ людоѣдовъ назовемъ въ Малезіи жителей острова Омбея, черныя поколѣнія Тимора, Даяковъ Борнейскихъ, Гарафоровъ Минданосскихъ и Баттасовъ Сумапрскихъ. Жители

Нусса-Лауша, въ группѣ оспрововъ Амбойнскихъ, были людоедами еще въ началѣ послѣдняго вѣка. Не рѣдко случается видѣшь, говоритъ Крауфурдъ, что Целебесцы и даже Яванцы ѣдятъ сердце непріятелей; онъ прибавляетъ, что едва ли можно найти одного военного между первыми, копорый бы не оповѣдалъ сего ужаснаго яства, при какомъ нибудь обстоятельствѣ своей жизни.

Вотъ имена народовъ Центральной Океаніи, кои наиболѣе преданы людоедству: еще дикіе первобытные жители около Порп-Весперна, живущіе у Синихъ Горъ и въ другихъ мѣстахъ Австральнаго материка, многочисленныя племена Тасманіи, черныя народы Новой Каледоніи и Архипелага Соломонова и Куйросова. Въ Полинезій самыя лютойшіе Каннибалы суть жители Архипелага Випи, особливо острова Навиги-Леву и жители Архипелага Гамоа и Менданы. На семъ послѣднемъ жителя Нукачивы не только пожираютъ своихъ плѣнныхъ, но что особенно ошлываетъ ихъ еще всѣхъ извѣстныхъ людоедовъ, во время недоспадка пищи съѣдаютъ своихъ преспарѣлыхъ родственниковъ, дѣтей и даже женъ! Жители Малильгопопа на восточной сторонѣ Каролинскихъ Острововъ, жители Репип-Урура и Паллизера, въ Архипелагѣ Рурин-Радакскомъ и Опасномъ, также людоеды, равно какъ и жители Архипелага Палао-

скаго (Друзей). Г. Жюль Блоссевиль замѣчаетъ, что на Оспровахъ Товарищества еще не давно найдены досповѣрныя доказательсва людодсва.

Ужасное суевѣріе, заставляющее человека для угожденія божеству приносить своихъ ближнихъ на жертву, суевѣріе, доказанное испорическими памятниками, долго сохранялось на Спаромъ Машерикъ у народовъ образованныхъ. Оно господсвуесть теперь между народами прехъ великихъ опдѣлений Морскаго Міра: особенно въ Полинезін оно пребуесть многихъ жертвъ и болѣе всего въ Архипелагахъ Тонги, Сандвичевомъ и Таити. Къ счаспію, Христіансво прекрапило сіи ужасы на двухъ послѣднихъ. Прежде въ королевсвѣ Зоннебая на Тиморъ сущесвовало обыкновение, въ гробницѣ вмѣспѣ съ умершимъ Королемъ заключасть двухъ живыхъ невольниковъ. Еще не давно на шомъ же оспровѣ Короли Купангскіе, по возшесввіи своемъ на пресполѣ, въ жертву собирающимся у береговъ крокодиламъ, коихъ дѣшми себя называли они, приносили молодую невольницу, убранную цвѣтами и другими украшеніями, выспавляя ее на берегъ морской, гдѣ она скоро дѣлалась добычею сихъ чудовищъ. На оспровѣ Бали варварское обыкновение сожигашъ вдовъ на погребальномъ коспрѣ супруговъ проспираешиа до крайности, неизвѣспной даже въ шой землѣ, гдѣ оно имѣло свое начало. Тоже обыкновение еще

существуетъ на островѣ Ломбокѣ. У нѣкопрыхъ народовъ на островѣ Целебесѣ приносятъ въ жертву молодую дѣвушку на гробъ Радьи, когда, чрезъ мѣсяцъ послѣ его погребенія, жена его оставляетъ домъ, ближайшій къ гробу, въ которомъ живетъ по сіе время. Въ Архипелагѣ Вапи часно при погребеніи супруга жена добровольно предаетъ себя смерти; на островѣ Тонгапабуа, въ Архипелагѣ Тонгскомъ, семейство Тоуайшонга подвержено такому же жертвоприношенію.

Можетъ быть, нигдѣ люди не представляютъ такого спранныго смѣшенія образованности съ обычаями нелѣпыми, нравовъ крошечныхъ съ жестокими. Мы описали варварскіе законы пабу, еще господствующаго у большей части народовъ Океаніи. По другому обыкновению, не меньше варварскому, которое къ счастью прекратилось въ Архипелагѣ Гавайскомъ, но къ несчастью еще существуетъ въ другихъ частяхъ Морскаго Мира, есть семейства просполудиновъ, въ коихъ нѣсколько человекъ должны убивать себя, какъ скоро умретъ кто нибудь изъ Королевской фамиліи или даже изъ фамиліи начальника. Одинъ изъ начальниковъ Соломоновыхъ Острововъ безжалостно казнилъ смертью всякаго подданнаго, напупившаго на пѣнь его. Въ безчестномъ обществѣ Арреойсовъ, въ Архипелагѣ Товарищества, когда женщины дѣлаются беремен-

ными, по душамъ младенца при рожденіи, дабы не прерывалъ своихъ распушствъ. Сіе опъврапипельное обыкновеіе, равно какъ и жертвоприношенія челоѳическія, уничижены со введеніемъ Христіанства.

Дѣпоубійспиво обыкновенно между многими поколѣніями. У кропкихъ обипапелей хребта Радаксаго, мапѣ безъ жалости убивающъ свое дѣшпще, которое производитъ на свѣтъ, если имѣешь уже прехъ дѣшей; шакимъ же образомъ сбывающъ она всѣхъ, кои родящся слабыми или нескладными. Сіе жестокое обыкновеіе, производящее опъ недоспапка, копорый прѣшерпѣваюпъ на сихъ оспровахъ, неизвѣспно на хребтѣ Ралика, ибо плодородіе земли дѣлающъ его ненужнымъ. Жипелѣ Тикопи, по свидѣпельспву Капипана Дильона, опшпчающіеся кропоспїю своихъ нравовъ и своею людкостїю, душамъ при рожденіи всѣхъ дѣшей мужскаго пола, исключая двухъ спаршихъ. Сїю жестокость они оправдывающъ пѣмъ, что народонаселеніе на оспровѣ ихъ слишкомъ велико и безъ сей мѣры недоспапочнобъ было средспвъ къ пропипанію жипелей. Звѣрскїя поколѣнія изъ окреспностей Бопани-Бея зарывающъ въ гробъ съ маперью живаго младенца, копорого она кормила грудью. Мудрый Тамегамега I своими руками задушилъ двухъ сыновей своихъ, влюбившихся въ Кагоману, фаворшпку

его. Многія поколѣвія Малайскія и между ними Биссаюсы, Филиппинцы, Папуасы или Иголопы изъ провинціи Пангазинанъ на оспровѣ Люсонѣ, часпо продають своихъ дѣтей. Тиморьены шакже иногда продають ихъ, чшобы умножитъ число своихъ женъ.

Можно сказаць, чшо многоженство господствуетъ или пернимо во всей Океаніи, хопя только одни богатые предаются ему. Въ Явѣ, Суматрѣ, Целебесѣ и во всей Полинезійи, имѣють по одной женѣ. Цѣлыя націи совсѣмъ не допускають многоженства, какъ напримѣръ жипели оспрововъ Нассау или Погги и Саву, Гарафорасы изъ внушреннихъ спранъ Минданао, жестокіе Алфоресы Церамскіе и многіе народы Филиппинскихъ Оспрововъ, независимые отъ ига Испанскаго. Въ архипелагѣ Менданскомъ многумужіе обыкновенно у всѣхъ богатыхъ семей: ибо каждая богатая жена имѣетъ по два мужа, изъ коихъ одинъ замѣняетъ отсутствіе другого; но сей подспавный мужъ въ самомъ дѣлѣ есть только первый слуга. По древнимъ преданіямъ, въ обществѣ Арреойсовъ и Урюповъ, состоящемъ изъ великаго числа благородныхъ людей обоего пола, женщины принадлежатъ всѣмъ мушчинамъ и принуждены убивать своихъ дѣтей при рожденіи.

Океанія, болѣе нежели другая какая-либо часть свѣта, представляетъ великое разнообразіе

эти спранные обычаи относительно брака и обхождения съ женщинами. Сумапрыне и особливо Редьянгсы, кажутся, исполняли все способы, коими союз сей можетъ заключаться. У послѣднихъ есть при образа женишбы. Въ первомъ, называемомъ *журжуръ*, мужъ покупаетъ свою жену; тогда она дѣлается его собственностью или рабынею; онъ можетъ продать ее и располагать ею. Во второмъ способѣ, называемомъ *амбеланкъ*, мужъ усыновляется опцомъ и женою его; онъ работаетъ вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ половиною своею обитаетъ подъ властью своего тестя, и съ дѣтьми своими дѣлается собственностью отца семейства. Въ третьемъ образѣ, называемомъ *симандо*, мужъ даетъ и принимаетъ; жена въ семъ случаѣ на равной ногѣ съ мужемъ; но сей способъ соединенія, похожій на Европейскіе обычаи, къ несчастію очень рѣдокъ. Обычай служить нѣсколько времени или приносить богатые дары опцу своей невѣсты, встрѣчаемый у жителей Филиппинскихъ и другихъ народовъ Малайскаго племени, еще существуетъ у Тагаловъ и Биссаюсовъ, принявшихъ Христианскую вѣру. Сей обычай напоминаетъ объ Иудейскихъ обычаяхъ. Молодые люди изъ племени Биджусовъ или Даяковъ, изъ Гарафоровъ и Идавовъ Борнейскихъ, не могутъ жениться, не отрубавъ головы или дѣшгородныхъ чашей у не-

*

пріятеля своего. Въ колѣнѣ Алфорезовъ Серамскихъ женихъ долженъ принести къ ногамъ не вѣспы, въ залогъ любви своей, пѣпь или шесѣпь головъ непріятельскихъ. Это ужасное обыкновение господствуетъ также у Гарафаровъ или Алфорезовъ нѣкоторыхъ Молукскихъ Оспрововъ и у Гарафаровъ Минданаоскихъ, кои въ семь поколѣній меньше всѣхъ прочихъ дикіи.

Между многими Австральскими народами браки совершаются посредствомъ похищенія; между дикими народами Южнаго Новаго Валлиса, юноши, чтобы получить руку женщины, подсперегаютъ ее на дорогѣ и, палочными ударами поваливши на землю, приводятъ обильную кровью къ своему племени, и пѣпь совершаютъ брзчнѣй обрядъ. Сіи дикіе народы, подобно звѣрскимъ ордамъ другихъ часпей свѣпа, презираютъ своихъ женъ и возлагаютъ на нихъ самыя тяжкія работы. Во время походовъ жены носятъ за ними посуду и дѣшій своихъ за спиною, между пѣмъ какъ мужъ идетъ съ легкимъ дропикомъ въ рукѣ. Жены приготавливаютъ пищу своимъ мужьямъ, а сами ѣдятъ оспашки, брошенные сыплыми. Почти у всѣхъ народовъ Полинезійскаго образованія жены считаются нечислыми существами, и попому имъ не позволено ѣспѣ въ присушсвѣи мужчинъ; однакожъ онѣ пользуются и уваженіемъ; иногда наследуютъ своимъ мужьямъ и дѣши

чѣмъ болѣе имѣютъ уваженія, чѣмъ выше и древнѣ чинъ или благородство со стороны матери. Прекрасные мужчины Лагунскіе, въ Архипелагѣ Помому, хорошо обходятся съ своими женами; также поступающъ жишелі Уалановъ и другихъ острововъ въ Архипелагѣ Каролинскомъ.

Кромѣ просвѣщеннѣйшихъ Европейскихъ странъ, нигдѣ женщины не пользуются такими преимуществами, какія имъ даются законами и обычаями у многихъ Малайскихъ племенъ Океаніи, особенно у Ругюйцевъ и Макасаровъ. Въ государствѣ Вадхо въ Целебесѣ, онѣ принимаютъ очень сильное участіе въ дѣлахъ общественныхъ и пользуются правами наравнѣ съ мужчинами. Государства Лоунъ и Липукози на томъ же островѣ управляются двумя женщинами. Въ нѣкоторыхъ королевствахъ Тимора и особенно въ королевствѣ Амаконгскомъ, женщины за недоспапкомъ мужскаго пола могутъ восходить на тронъ. Знаменистая Бапара - Тоя, въ 1714 году провозглашенная царицею Бони - Целебеса, уступила корону своему брату; когда сей лишенъ былъ престола и снова избрана была Бапара, то она во второй разъ уступила его другому брату. Въ 1628 году знаменитая Вандан-Сари, дочь Султана Машпарамы, одѣвшись воиномъ, говорила рѣчь войску и, предводительствуя оное, своимъ мужествомъ и примѣромъ много содѣйствовала

взятію Жиро, города, предъ которымъ былъ разбитъ ея мужъ. Въ Бали, въ Яву и на другихъ осипровахъ, женщины пользуются уваженіемъ, необыкновеннымъ въ странахъ, гдѣ господствуетъ многоженство; онѣ имѣютъ великую свободу и Магометанскіе Принцы Архипелага Индійскаго, не согласные въ семъ случаѣ съ единоутрадами своими, Азіатскими, Африканскими и Европейскими, позволяютъ знаменитымъ иносстранцамъ посѣщать ихъ женъ въ гаремахъ. Жестокіе Даяки Борнейскіе, Алфореозы Серамскіе, лютые морскіе разбойники Сулу и Минданао, воинственные жипелы Архипелага Тонго, крошко обходящіяся съ своими женами; между тѣмъ какъ у Башпасовъ, Тагаловъ, Бисоюсовъ Филиппинскихъ, у жипелей Архипелаговъ Сандвичева, Менданы, Гамоа, Випи, онѣ обременены работами и служатъ мужьямъ своимъ вмѣсто невольницъ. Жены у жипелей хребта Радакскаго, въ Центральномъ Архипелагѣ, идутъ за мужьями своими и любовниками на войну и, сполъ сзади ихъ, бросающъ камнями въ непріателей.

Таковы главныя черпы, оплачающія различныхъ жипелей Океаніи, конечно, опъ всѣхъ народовъ шара земнаго и представляющія рѣзкую противоположность въ нравахъ, обыкновенияхъ и привычкахъ. Раздѣленные другъ отъ друга рукавами неизмѣримыхъ морей, сіи на-

роды въ пѣхъ мѣспахъ, гдѣ поспавило ихъ Провидѣніе, создали себѣ особую образованность, особые нравы, кои часпо болѣе различающся другъ отъ друга, чѣмъ нравы Испанскіе отъ Русскихъ. Хотя съ перваго взгляда кажется, что причину спранныхъ несходствъ, коими они опличающся, должно приписать попографическому положенію ихъ; не смотря на то, антропологическу здѣсь очень много работы. Среди ужаснаго множества противорѣчащихъ повѣствованій, съ конца пятнадцатаго вѣка выходявшихъ о различныхъ Архипелагахъ, составляющихъ Морской Міръ, только съ помощію великаго труда, строгой и точной критики, можно будетъ наконецъ опличить истину отъ лжи. Но когда будетъ признана подлинность рассказываемыхъ фактовъ, останется еще сдѣлать классификацію между сими разными поколѣніями, смотря по степени образованности, коюрой онѣ достигли: классификацію пѣмъ труднѣйшую, что оппѣнки сей образованности не успановились или по крайней мѣрѣ не рѣзко различающся между собою.

ПЕРЕВ. В. ОВОЛЕНСКІЙ.

Л Ї Т О П И С И

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

— РУССКІЙ ЖИЛЕЛАЗЪ. ПОХОЖДЕНІЕ АЛЕКСАНДРА СИБИРЯКОВА ИЛИ ШКОЛА ЖИЗНИ. *Сочиненіе Геннадія Симоновскаго. Дѣль Части. Москва, въ типогр. С. Селивановскаго, 1832.*

— СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ. НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ПРАВОВЪ И ОБРАЗА ЖИЗНИ, СЕМЕЙНОЙ И ОДИНОКОЙ, РУССКИХЪ ДВОРЯНЪ. *Шестъ Частей. Москва, въ типогр. А. Семена, 1832.*

Разсуждая вообще о романахъ а), мы видѣли, что современныя событія и нравы лежатъ внѣ области романа, понимаемаго въ томъ смыслѣ, какой дается ему теперь всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ. Следовательно сіи два произведенія нашей словесности, въ коихъ предполагалось изобразить современную Русскую жизнь, не должно судить по идеѣ и требованіямъ романа.

Въ чемъ же должно состоять эстетическое достоинство сихъ и подобныхъ имъ правоописательныхъ сочиненій?

Прошедшее столѣтіе завѣщало намъ два способа представлять современные нравы въ формѣ художественной, весьма близко подходящей къ формѣ романа и потому долго съ ней смѣшиваемой: первый

а) См. *Телеск. N. 14.* Слѣдствія сія не продолжается по причинамъ, опъ Издателя не зависящимъ. *Изд.*

Испанскій, прославленный Лесажемъ; другой Англійскій, коего предсавиппелями должно счестъ Ричардсона и Фильдинга. Оба сін способа имѣли множесипво послѣдоващелел и реинипелел.

Ле-Сажъ, коего слава доселѣ держипся *Жилблазомъ*, не самъ изобрѣлъ форму своихъ нравоописательныхъ романовъ: онъ только перенесъ во Францію и сдѣлалъ общензвѣспнымъ давно сущесипвовавшій въ Испаніи, такъ называемый, *бродяжипый* или *бездѣльническій родъ* (*del gusto picaresco*), коего первымъ опыномъ былъ *Лазариль Тормскій*, сочиненіе извѣспнаго Діега де Мендозы, Государспвеннаго Мужа, Полководца, Испорика и Поэта Карла V. Художесипвенная шканъ произведеній, соспавляющихъ сей родъ, весьма проста и незатѣйлива. Выдумываютъ прошлеца, бродягу, плуца, котораго заспавляютъ скипашься по бѣлу свѣпу, чрезъ всѣ спупени общесипвеннаго быппа, отъ креспьяпской хипжипы до королевскихъ палащ, отъ цирюльни брадобрѣя до кабинета миниспра, отъ презрѣпныхъ вершеповъ мошесипничесипва и разврата до смиренной пуспши опшелщипка. Замѣчанія и рассказы, собранные подобнымъ скипальцемъ, во время спранспвованія по различнымъ слоямъ общества, сдѣпляютъ въ одно болѣе или менѣе обшпрное цѣлое, которое своимъ разнообразіемъ, песпрошою изображеніемъ и живописью карпипнъ, можетъ щекопашъ воображеніе, занимашъ любопыпспво и даже укаывать нравспвенное чувспво назидательными впечатлѣпьями. Симъ ограничивается вся художесипвенная ихъ обрабопка. Разу-

мывшая, что, при такомъ составѣ, драматическая сосредоточенность интереса въ единствѣ живаго дѣйствія, необходимая для романа въ общественномъ смыслѣ, невозможна. Лице главнаго героя въ подобныхъ произведеніяхъ не есть существенный центръ ихъ эстетическаго бытія, а произвольно придуманная ось, вокругъ коей вращается волшебный раекъ Китайскихъ пѣней. Въ Испаніи эта произвольность имѣла видъ естественности: ибо тамъ существовалъ дѣйствительно, какъ національный идіомъ, классъ бродягъ и прошлецовъ, подобныхъ Лазарию Тормскому и Жилблазу де Санниллана. Но когда, по призыву Ле-Сажа, въ другихъ Европейскихъ націяхъ, гдѣ гражданская жизнь болѣе усроена и пѣсни скапа въ рамкахъ общественнаго порядка, явились *Новые Жилблазы*, ихъ неестественность и живосность должна была раньше или позже изобличиться. Посему родъ сей былъ наконецъ брошенъ. Во Франціи хотѣли замѣнить его *Пустышками*, кои съ легкой руки Жун быспро расплодились и пустили было ошпырки во всѣ Европейскія литературы. Здѣсь комическая маска *Жилблаза* проронилась замѣнилась спеленнымъ лицомъ холоднаго наблюдателя, всматривающагося изъ за угла въ пестрыя картины общественной жизни. Но кромѣ того, что сей способъ зрѣнія по необходимости долженъ былъ ограничиваться одними внѣшними, пакъ сказать, науличными движеніями общества, не проникая въ завышныя тайны домашняго очага; очерки, соспавляемые холодною наблюдательностью *Пустышниковъ*, естественнѣе имѣли гораздо болѣе сухости и гораздо

мнѣ живи, чѣмъ сантисагорическімъ похощеніемъ удалий *Жилблаза*.

У насъ первый опытъ *Русскаго Жилблаза* признанъ былъ *Нарциссомъ*. Его вышло только три часини, и, какъ всѣ произведенія *Нарцисса*, онъ отличается слишкомъ грубою жестокостію красокъ, не рѣдко вредящею самой истинѣ изображеній. Покойный *Выжжжж* былъ также нѣчто въ родѣ *Жилблаза*: не будемъ превозносить прѣла его! Новый *Русскій Жилблз* не лучше прежнихъ. Въ предисловіи отъ издателя говорится, что «преждевременная и внезапная смерть автора сей книги лишила сіе сочиненіе иного достоинства», которагобы можно было ожидать отъ опытности и дарованій сочинителя. Мы охотно вѣримъ, что оно моглобы много выиграть въ оцѣлкѣ и окончанности наложеніи не не болѣе! Въ самой идѣ подобныхъ произведеній заключается существенный ихъ недоспашокъ, котораго исправити не можешь никакое искусство. Хотя въ *Александрѣ Сибиряковѣ*, играющемъ здѣсь роль *Жилблаза*, душа и сердце не выжжжж до пла, все однако, въ Русскомъ народѣ, онъ не имѣеть той естественности и живости, кои отличаются первообразъ его, подѣ Испанской эпатчій, въ за-Пиринейской атмосферѣ.

Способъ правописанія, который мы назвали Англійскимъ, въ честь Ричардсона и Филдингта, гораздо общѣ и меньше имѣеть національной исключительности, чѣмъ *Жилблзскій*. Здѣсь природа человеческая, въ костюмѣ извѣстной спраны и вѣка, представляется въ картинѣ спройной и цѣльной, имѣю-

щей припязанія на единство, требуемое существенными условиями романа. Произведения Ричардсона и Фильдинга съ ихъ безчисленными подражаніями имѣють видъ біографіи сердца. Но имъ не доспаетъ того, что составляетъ важнѣйшую черту настоящаго романа, дѣйствія и жизни. Сія правоописательныя повѣствованія составлены изъ болѣе или менѣе занимательныхъ сипуацій, въ конхъ представляюшся съ болѣею или менѣею полнопою и вѣрностью различныя положенія сердца, различныя фазы общеспвенныхъ нравовъ, но безъ органической связи, безъ элексприческаго движенія, которое есть основа жизни. Отсюдова ихъ сухость, принужденность и холодность, коптой никакъ не можетъ сограить часпная, мѣспная, такъ сказать, теплоша различныхъ сценъ. Ричардсонъ и Фильдингъ оплнчались другъ отъ друга пючками, съ конхъ видѣли и представляли жизнь. Первый съ серьезностью, проспировашеюся до педантизма, смотрѣлъ только на степенную, нравспвенную спороную жизни: послѣдній любилъ глядѣть на нее подъ комическимъ угломъ зрѣнія. Въ послѣдствіи обѣ сіи пючки не рѣдко соединялись: и эшо благопріятспствовало полношъ сихъ правоописательныхъ картинъ, не возводя однако ихъ до дѣйспвенной, органической жизни романа.

Къ сей уже избитой и устарѣлой формѣ правоописаній принадлежить *Семейство Холмскихъ*. Произведение сіе нельзя назвать явленіемъ совершенно лишнимъ, бесполезнымъ въ нашей литерашурѣ: его можно прочесть на досугъ, кому есть время чипать и кого природа снабдила долгоперіодіемъ, могущимъ

одолѣть безъ ропота шесть толстыхъ книгъ. Мы сами побѣдоносно прочли его не безъ нѣкотораго вознагражденія: но, признаемся, повторили съ Пирромъ, что придется погибнуть, если должно будетъ одерживать другую подобную побѣду!

Семейство Холмскихъ сослонишь изъ безчисленнаго множества портретовъ и очерковъ, по забавныхъ, по жалкихъ, иногда занимательныхъ и не рѣдко отвратительныхъ. Всѣ они сняты съ напурь. Это бытъ Русскаго дворянства въ лицахъ! Но въ какихъ лицахъ? Это восковыя, безцѣпныя, безжизненныя фигуры! Въ нихъ есть вѣрность и истинная матеріальная. Даже сдается, что многіе изъ нихъ просто слѣплены съ извѣстныхъ недѣлимыхъ. Но это послѣднее достоинство, весьма дорого цѣнимое любопытною догадливостью, для эстетическаго чувства, свободнаго отъ всѣхъ споронныхъ нипересовъ, не только не имѣетъ никакой цѣны, даже явно вредитъ наслажденію. Отъ искусства пребуемъ мы не матеріальныхъ слѣпковъ, а карпины идеальной. Если извѣстныя недѣлимья находятъ въ ней мѣсто, то ихъ должно спавить такъ, чтобы ихъ часпныя фizioноміи не задерживали собственнo на себѣ вниманія, а содѣйствовали бы выраженію общей идеи карпины. Что мнѣ нужды, если я не буду умѣть называть ихъ собственными именами? Лишь бы видѣлись ихъ характериспическія черты, изъ коихъ должна слагаться фizioномія цѣлаго представленія! Я хочу видѣть Русское дворянство, а не *Удущевыхъ* и *Столяриныхъ*, не *Продигиныхъ* и *Эмъкинскихъ*, копорыхъ въ напурѣ могу видѣть ближе и

подробнее, чѣмъ въ гипсовыхъ безжизненныхъ слѣпкахъ. Успирая въ другія уваженія, не подлежащія вѣденію литературной критики, скажемъ только, что подобная матеріальная вѣрность изображеній свидѣтельствуешь весьма невыгодно въ пользу живописца. Она изобличаетъ въ немъ скудость изворочества, безъ котораго не должно браться за кисть, подъ опасеніемъ превратиться въ домашняго маляра Еерема. Художникъ долженъ живописать действительность, изображать ея значеніе, мысль, душу, а не грубую матерію. Этому именно не достаетъ порицаній и каричинамъ, изъ конхъ составлено *Семейство Холмскихъ*. Тамъ все малеваное: ничего испинно живописнаго! Видишь спранный образину, уродливую рожу, шамъ чудака, здѣсь глупца, шамъ развратника, здѣсь мошенника; у нваго на лбу чипаешь собищенное имя: но напрасно будешь искать жизни въ этихъ лицахъ безъ образа; напрасно опасаешь допрашиваешься, какая характеристическая черта живой фizioноміи Русскаго дворянства просияетъ въ этихъ осязаемыхъ, но бездушныхъ кулакахъ. Такъ на старинныхъ изразцахъ видишь часомъ вытѣсненныя или намалеванныя фигуры, въ конхъ узнаешь Китайцевъ, Японцевъ, Турковъ... Чегоба, кажется, не дознавало имя? Бездѣлицы... жизни!...

Сей безжизненности должно приписать и то, что въ *Семействѣ Холмскихъ* нѣтъ ни малѣйшаго признака органической цѣлостности. Произведение сіе есть просто наборъ всякой всячины, не сарплченный никакою внутреннею, живою связью. Съ нимъ можно дѣлать любопытныя опыты. Разверните какую

удобно часи́ть и начини́те чита́ть: вы нападе́те на сцену, на поршрешъ, кои́корый займе́тъ васъ, кои́корый захочетсѣ доче́сать, кои́корый раздражи́тъ ваше любопы́тство и замани́тъ да́лье... Но бойте́сь успу́пить иску́шению: чере́з нѣско́лько спра́ницъ васъ одоле́етъ смер́тная скука: вы уви́дите себя́ какъ бу́ду въ одно́мъ изъ шѣхъ дли́нныхъ, бесконе́чныхъ хо́довъ, кои́ плану́тся въ ка́пакомба́хъ, обжа́вленные съ обжа́хъ спиро́нъ мумі́ями. При́чина оче́видна! То́лько живы́я су́щества могу́тъ связы́ваться въ живу́ю, органи́ческую це́нь: изъ мер́выхъ шпру́новъ образу́ется мер́вая гру́да! Въ *Семействѣ Холмскихъ* ни одно́ лице́ не связы́вается съ дру́гимъ, ни одна́ сцена́ не держи́тся за дру́гую сою́зомъ обще́й жи́зни. Все́ сцѣ́лено меха́нически; и по́тому распа́зывается со́бственною тяже́стию, ко́нкорой чрезме́рная обжа́рность произведе́нія нѣ́лько что́ больше́ придае́тъ грузу. Швы́, кои́ми предпо́лагалось укрѣ́пить сѣю́ несвязѣ́ую массу́, изумля́ютъ свое́ю ничто́жно́стью. Такъ н. п. одинъъ э́депъ въ гос́пнъ къ прі́ятелю́ и находи́тъ у него́ незна́комы́я лица́; ему́ хоче́тся зна́ть ихъ; и вопі́е́ цѣ́лый рядъ поршрешо́въ и описа́ній! Въ слѣ́дствіе́ подобны́хъ вспры́тъ, къ ко́нцу произведе́нія накопи́лось такое́ множе́ство разны́хъ именъ, что́ изъ одной́ ихъ пере́клички́ соспави́лся до́вольно дли́нный эпи́логъ. Ко́ропко сказа́тъ, въ *Семействѣ Холмскихъ*, нѣ́тъ ни шѣ́ви худо́жественна́го успро́йства.

То́же должно́ сказа́тъ и объ́ изложе́ніи. Оно́ отлича́ется упоми́тельнымъ, ску́чною вы́яснѣ́ю. Длинны́й, бесконе́чный разска́зъ плыве́тъ медленны́мъ, од-

пообразнымъ шагомъ, не оживляемый ни игрою воображенія, ни теплотою чувства. Описанія историческія пусклы и безцвѣтны: движенія сердца ограничиваются общими мѣстами риторическихъ восклицаній, не рѣдко переходящими въ припорное нѣжничанье пошлою сантиментальности. Это особенно странно потому, что *разговоръ, приложенный въ предисловіи къ Семейству Холмскихъ*, написанъ довольно живо, не безъ некоторой игры остроумія. Спало бытъ, тогожъ можно было надѣяться и опъ всего произведенія. Вышло иначе—и не безъ причины! Безжизненность содержанія должна была выпечататься на изложеніи!

Остается сказать еще слово о моральномъ достоинствѣ *Семейства Холмскихъ*. Сіе произведеніе принадлежитъ къ числу тѣхъ, кои, по извѣстной поговоркѣ, *мать можетъ безопасно давать дочери*. Въ немъ нѣтъ ни романтической мечтательности, развращающей воображеніе, ни сильныхъ спраспей, изнуряющихъ сердце... Пусть такъ! Но эта дѣтская невинность для дѣтей только и пригодна. Азбучная нравственность, какъ ни раскрашивай ее для взрослыхъ, не только не можетъ приносить никакой пользы, но даже обращается во вредъ; поелику, неумѣстно напѣрживаемая, рождаетъ скуку и отвращеніе. Спроедія моралистки, подобныя *Свѣтской*, суть самыя опасныя непріятельницы нравственности; ибо внушаютъ къ ней боязнь, а не любовь. Подъ ихъ руководствомъ могутъ образоваться только педантики, подобныя *Софьи Холмской*, кои, своею холодною добродѣтелью, бываютъ пугалами, а не украшеніями

общества. Наука жизни должна состоять въ полномъ и вѣрномъ ея изображеніи! Конечно, не все можно, не все должно показывать *дочери*: но благоразумная *мать* лучше не должна вовсе позволять касаться до запрещеннаго древа познанія добра и зла, чѣмъ касаться полько въ половину.

Заклучимъ: ни *Семейство Холмскихъ*, ни *Русскій Жилбазъ*, не удовлетворяють нисколько современнымъ требованіямъ народнаго самопознанія. Не слишкомъ съшуемъ мы на ихъ явленіе: но дай Богъ, чпобъ оно какъ можно рѣже возобновлялось въ нашей словесности! Излишество бесполезнаго прозябенія хуже безплодія!

VI.

ПРОЦЕССЪ

ФРИДРИХА БЕНУА

ВЪ ПАРИЖѢ.

(окончаніе)

Іюня 11 начались пренія, въ слѣдствіе двойнаго обвиненія Бенуа, при многочисленномъ спеченіи зрителей. Ввели обвиняемаго. Онъ одѣтъ былъ въ синій сюрпукъ, довольно опрятно и чисто. Передъ судейскимъ споломъ разложены были всѣ улики преступленія: канане, обипое желпымъ Упрехпспикимъ бархатомъ, на копоромъ умерщвляетъ Формажъ въ Версали; подушка, еще окровавленная, и посверхъ

мѣшокъ съ плащемъ убитаго, На сполѣ лежали зонтики обонхъ молодыхъ людей, ночевавшихъ въ Версали 21 Іюля 1831 года. Фридрихъ запрепещалъ, при семъ видѣ, и закрылъ лице плащкомъ, который держалъ въ рукахъ. На вопросы, сдѣланные ему по обыкновенной формѣ, отвѣчалъ онъ слабымъ и дрожащимъ голосомъ, что называется Николай-Теодоръ-Фридрихъ Бенуа, онъ роду имѣетъ двадцать одинъ годъ, по званію писецъ нотаріуса, родился въ Вузье, въ Арденскомъ Департаментѣ, и во время своего арестованія пребываніе имѣлъ въ Парижѣ.

Отецъ и старшій братъ обвиняемого сидѣли на скамьѣ адвокатовъ, подлѣ Г. Кремье, который вмѣстѣ съ Г. Викпоромъ Анжле, долженъ былъ защищать Фридриха. Лабовъ, не давно вышедшій изъ Клервосской тюрьмы, и отецъ Формажа, сидѣли на другой скамьѣ, не подалеку отъ Г. Ше-д'Эсп-Анжа, адвоката ихъ, какъ испцевъ.

Пока Г. Дюшень, письменоводитель Уголовнаго Суда Сенскаго Департамента, читалъ акты обвиненія, Фридрихъ сполалъ съ закрытыми глазами и, казалось, находился въ сильномъ волненіи.

Первыя пренія начались между адвокатами обонхъ сторонъ о правѣ Лабова быть допущеннымъ въ качествѣ испца. Судъ, по выслушаніи обонхъ, призналъ право Лабова законнымъ. Тогда призванные свидѣтели удалились въ особо назначенныя для нихъ залы; и Г. Гардуэнъ, Президентъ Суда, началъ допросъ обвиняемаго, изъ коего помещаемъ здѣсь наиболѣе замѣчательныя пункты:

В. Въ Ноябрь 1829 года вы жили въ оппцовскомъ домѣ, въ Вузѣ, бывъ прежде въ Реймской Семинаріи; сколько лѣтъ прошло, какъ вы туда вернулись?

О. Четыре года.

В. Кто оспавался при вашей матери 8 Ноября?

О. Только я и моя двоюродная сестра, племянница мапушки.

В. Эта двоюродная сестра, Луиза Фёшеръ, которая вмѣстѣ была служанкою дома, спала весьма не далеко отъ вашей матери?

О. Такъ, сударь! но я спалъ вверху, въ первомъ этажѣ.

В. Когда легли у васъ спать 8 Ноября?

О. Я легъ въ восемь часовъ съ половиною, мапушка такъ же, а Луиза Фёшеръ не много позже.

В. Вы вспавали въ десять часовъ?

О. Въ десять часовъ я вспавалъ, потому что мнѣ не спалось, и ходилъ грѣть воду, чтобы напиться съ сахаромъ. Луиза Фёшеръ тогда еще не ложилась и я просилъ у ней ключа отъ шкапа.

В. Помню вы опять легли спать: когда же вы проснулись?

О. Въ полночь я услышалъ глухой шумъ въ комнатѣ у мапушки и подумалъ, что ей пошло; я надѣлъ исподнее платье и пошелъ къ ней. Но увидѣвъ бѣлье, разбросанное по полу, тотчасъ подумалъ, что насъ обкрадываютъ, и побѣжалъ уведомить нашего сосѣда, Г. Дессеро.

В. Очень странно, что вы въ ту же минуту не вошли въ комнату вашей матери. Она найдена уби-

пою почно также, какъ и молодой Формажъ; ударъ нанесенъ былъ ей острымъ орудіемъ; все показываесть, что оба преступленія совершены были однимъ способомъ.

Обвиняемый не отвѣчалъ.

Президентъ началъ предлагать другіе вопросы, клонившіеся къ доказательству невозможности, что бы преступникъ снаружи опиръ спавень окна и вошелъ въ комнату.

О. Спало только просунуть палецъ въ скважину и тогда легко было поднять крючокъ. Преступленіе должно быть совершено людьми, знавшими нашъ домъ.

В. Въ этотъ день въ Вузѣ былъ праздникъ; время было дождливое; и однако въ комнату не нашли грязи, ни другихъ слѣдовъ, чтобы входилъ кто-нибудь со двора. Сверхъ того, никто изъ чужихъ не зналъ, гдѣ отецъ вашъ пряталъ свои деньги; это знали только ваши домашніе, мать, братья, сестры—и вы.

О. Да, сударь, я зналъ.

В. Вы взяли въ шкапу сахаръ и забыли ключъ, такъ что убійца долженъ былъ уловить именно ту минуту, когда вы ушли, чтобы взять деньги, находившіяся въ ящикѣ, внизу именно того шкапа, отъ котораго вы забыли ключъ. Наконецъ, надобно допустить, что преступникъ вошелъ безъ огня въ комнату, гдѣ находился этотъ шкапъ, укралъ деньги и потомъ пошелъ убить мать вашу въ кабинетъ, гдѣ она спала; все это должно было происходить безъ огня; ибо не нашли никакого слѣда зажженной свѣчи.

О. Ночь была очень мѣсячная.

В. Какимъ образомъ случилось, что преступникъ зарѣзалъ вашу мать, укравъ уже деньги? Къ чему это бесполезное убійство, когда ему оставалось только бѣжать?

О. Это вещи, копорыхъ я не умѣю объяснить.

В. Убійца оставилъ 2,000 франковъ серебромъ, посуду серебряную и другія вещи, копорыя также могъ бы унести.

О. Безъ сомнѣнiя онъ спѣшилъ войти въ другую комнату и, если не унесъ этихъ 2,000 франковъ, то попому, что слышалъ мои шаги.

В. Видѣли ли вы кого-нибудь бѣгущаго?

О. При выходѣ изъ дому мнѣ показалось, что женщина или что-то, въ бѣломъ на головѣ, мелькнула за угломъ дома Манике.

В. Никто изъ свидѣтелей, прибѣжавшихъ на вашъ крикъ, не видалъ этой женщины, и съ другой стороны Луиза Фѣшеръ, спавшая только въ девяти фузахъ отъ постели вашей матери, не была испугана никакимъ шумомъ.

О. Дверь кухни, гдѣ спала Луиза Фѣшеръ, была заперта, а я спалъ почти надъ самою спальнею матери; оставивъ дверь не заперенною, я могъ легко слышать.

В. Свидѣтель Доссеро, осматривая послѣ произшествiя постель Луизы Фѣшеръ, удивился, что она

не была нисколько смята. Онъ сказалъ ей: «накъ вы еще не дожились?» Вмѣсто отвѣта, Луиза, поднявъ руки вверхъ, закричала: «пешушка! бѣдная пешушка!»

О. Она уже легла, когда я вспавалъ въ десять часовъ; ибо, чѣмъ зажечь мнѣ свѣчу, надѣвала свою юбку.

В. Вы не входили совсѣмъ въ комнату своей матери, и, когда у сосѣда Доссеро, васъ упѣшали, что она еще жива, вмѣсто того чѣмъ пожелали ее видѣть, вы сказали только: «разведите хорошій огонь! согрейте ее!»

О. Я просился у свидѣтелей видѣть ее. Если они утверждаютъ пропивное, то вѣрно по какой-нибудь ошибкѣ.

През. Все доказываетъ, что вы убили свою мать, чѣмъ обокрасть ее.

Бенуа (съ горькими слезами). Какая нужда мнѣ убивать ее, чѣмъ обокрасть? Можно ли этому повѣрять?

В. Но не признались ли вы сами, что, послѣ смерти матери, обокрали вашего отца?

О. Такъ, сударь! Черезъ нѣсколько дней, бапюшка приказалъ мнѣ посмопрѣть, не оспалось ли у матери денегъ, спрячанныхъ по шкапамъ; я нашелъ 250 франковъ золопомъ и всѣ ихъ опдалъ. Спусти уже долго послѣ еще 1,500 франковъ золопомъ, которые упалъ. Еслибъ я нашелъ ихъ въ первый день, то также бы опдалъ всѣ бапюшкѣ, какъ и первые 250 франковъ.

В. За чѣмъ же вы упали эти 1,500 франковъ?

О. За тѣмъ, что меня собирались отправить въ Нанси, въ писцы къ Нотариусу.

В. Опецъ вашъ присылалъ ли вамъ денегъ, когда вы жили въ Парижѣ?

О. Присылалъ до 1,000 экю золопомъ.

В. Это не вѣроятно. Свидѣтели показываютъ, что опецъ вашъ всѣ расходы держалъ серебромъ, а золопо всегда откладывалъ и копилъ. Послѣ умерщвленія Формажа, обыскивая вашу квартиру, въ го-спинницѣ Ж. Ж. Руссо, у васъ нашли въ комодѣ 2,500 франковъ золопомъ. Они лежали въ мылѣ, въ сверпкахъ по 500 франковъ. Какъ могла остаться у васъ такая значительная сумма изъ 2,500 фр., которые вы упали опъ опеца, когда доказано, что вы, будучи писцемъ въ Реймсѣ, всѣ ваши расходы держали золопомъ и въ Парижѣ платили порпному также золопомъ?

О. Это золопо опъ бапюнки; сверхъ того я игралъ и выигрывалъ.

В. Вы заплапили за Брегетовскіе часы 180 франковъ золопомъ; покупали другія вещи пою же монетою; съ Формажемъ, на разныя поѣздки, вы издержали 1,800 фр. Въ Нанси вы заказывали свой порпирепъ, приказывали съ него снять нѣсколько копій, и заплапили за по 90 фр. Наконецъ, чтобъ похвастаться своими расходами, вы купили себѣ попугая за 80 фр. По собственному вашему показанію, вы имѣли входъ полько въ одинъ игорный домъ, въ Пале-Рояль подъ N 129. Очень хорошо. Тамъ показываютъ, что васъ знаютъ не болѣе года; что вы прежде никогда тамъ не бывали; а, еслибъ были, то они призналибъ

васъ немедленно; попому что всѣ молодые люди вашихъ лѣтъ, посѣщающіе игорные дома, непременно записываются и имена ихъ сообщаются Префекту Полиціи. Играли вы только во время послѣдняго вашего пребыванія въ Парижъ; только одинъ разъ вамъ удалось выиграть значительную сумму, 3 или 4,000 фр., которые вы опять немедленно проиграли; въ другой разъ вы выиграли еще 30 лундоровъ. Оспальное время вы все проигрывали.

О. Золото, найденное у меня, было выигранное или полученное отъ бабки.

В. Луиза Фёшеръ воропила въ Парижъ, спустя нѣсколько времени, послѣ процесса Лабова въ Судѣ Мезьерскомъ: выдались ли вы съ нею?

О. Видѣлся только одинъ разъ.

В. По показаніямъ свидѣтелей, Луиза вела въ Вузѣ безпорядочную жизнь. Прибывъ въ Парижъ, она предавалась совершенно распутству. Когда, въ слѣдствіе болѣзни, опослали ее въ Маделонетъ, она, казалось, была снѣдаема глубокою тоскою. Тѣ, кои спали подлѣ ней, говорятъ, что ей видѣлись ужасные сны; и эти сны, по видимому, были внушаемы воспоминаніемъ о убійствѣ ея тетки. Однажды, женщина, заключенная вмѣстѣ съ ней, которая будетъ теперь допрошена, спросила у ней: »отъ чего ты такъ сокрушаешься? вѣдь ты сдѣлала не больше насъ!«—»Нѣтъ! я сдѣлала больше, отвѣчала Луиза: я несчастнѣе и виновнѣе васъ: сговорившись съ моимъ любовникомъ, я убила свою тещку, за 600 фр.« Это показаніе Луизы, которая уже умерла, даетъ подозрѣваніе, что

она, вѣроятно обманутая вами, полагала украденную у махери вашей сумму въ 600 фр. вмѣсто 6,000?

О. Все это ложно.

В. Въ Нанси вы жили у Нотариуса Лашасса; когда съ вами говорили о смерти вашей махери, вы казались всегда смущеннымъ: разъ, одинъ писецъ просилъ васъ расказаць подробно объ этомъ приключеніи; вы рассказали ему совершенно иначе, чѣмъ нынѣ. Когда васъ попребовали, въ качествѣ свидѣтеля, къ процессу Лабова, вы смущались такъ, что должны были выйти немедленно изъ конторы.

О. Воспоминаніе о смерти махушки меня расстрогало.

В. Вы провели годъ въ Семинаріи Реймской: васъ опшпуда выгнали?

О. Нѣтъ, сударь; я былъ высланъ только на время; начальство сказало мнѣ, что я могу ворошиться.

В. Вы были высланы за гнусный порокъ? ..

Молчаніе обвиняемаго.

В. Вы опсправились въ Парижъ съ однимъ, по имени Дюгепомъ, которъй былъ съ вами въ дурныхъ связяхъ; попомъ завели подобныя опшошенія съ Формажемъ, которому было семнадцать лѣтъ опъ роду? Гдѣ вы съ нимъ познакомились?

О. Однажды, онъ вошелъ въ Пале-Рояль и, обратившись ко мнѣ, чпобъ завеспи рѣчь, спросилъ: »не видалъ ли я, не помню, кого-то? « Такимъ образомъ мы познакомились.

В. Вы говорили Формажу, что, если его потеряете, то убьете сами себя!

О. Никогда.

В. Не говорили вы еще въ другой разъ, что онъ погибнетъ не иначе, какъ отъ вашей руки?

О. Никогда не говаривалъ.

В. Вы отговаривали ему писать къ вамъ?

О. Да. Потому что письма его могли попасться въ руки бапюшки и опкрыть нашу связь.

В. Однако, не смотря на ваше запрещеніе, онъ писалъ къ вамъ.

О. Я не получалъ писемъ, о которыхъ говорите; я только получалъ письма отъ его брата, офицера въ Камбре.

В. Формажъ имѣлъ привычку писать два или три раза на черно свои письма. Г. Валье, книгопродавецъ, у котораго нанималъ онъ кварширу на улицѣ Монполонъ, нашелъ, послѣ смерти его, два черныя письма, изъ которыхъ вошъ первое:

«Чтобъ не было писемъ! особенно писемъ! говорилъ ты мнѣ; и однако вошъ тебѣ еще одно! Я никакъ не могу сообразоваться съ закономъ, который ты мнѣ предписалъ. Не знаю почему, мнѣ очень пріятно извѣщать тебя о себѣ; да и ты самъ, помню, говорилъ мнѣ, *что если ты меня потеряешь, то убьешь себя*. Я не люблю самоубійцъ; боюсь, чтобъ ты не счипалъ меня поперяннымъ. Не знаю, почему ты такъ медлишь со мною увидѣться. И такъ прошу тебя навѣспить меня по адресу. Если ты потерялъ его, такъ вошъ онъ: на улицѣ Монполонъ, въ Анпенскомъ предмѣстіи, N 13. Дружески обнимаю тебя. Формажъ меньшій. »

Другое письмо отъ 9 Юля адресовано было къ вамъ въ Вузе, въ этотъ самый день, какъ вы опшуде уехали:

«Не смотря на формальное запрещеніе писать къ тебѣ, я принужденъ не послушаться; крайность, въ которой я нахожусь, меня вынуждаетъ. Я починъ долженъ кинуть мѣсто, которое занимаю, по немънѣию плащя. Чѣобы оспаться на немъ, смѣю надѣяться, что ты меня не оставишь. Въ такомъ случаѣ ты исполнишь свой долгъ; и шакъ какъ ты довелъ меня до крайности, въ которой я теперь нахожусь, то бесполезно повторять, что родственники твои не хопятъ меня видѣть и обязывать, попому что знаютъ связь твою со мною. И шакъ ты не откажешь мнѣ въ этой услугѣ. Пяшдесятью эку я могу исправиться. Пришлижь мнѣ ихъ черезъ недѣлю; ибо иначе я самъ приѣду къ тебѣ и открою родственникамъ твоимъ тайну, которую безъ сожальнѣя тебѣ нужно скрывать. Ничто не удержишь меня, если черезъ недѣлю деньги, которыхъ я у тебя прошу, не будутъ присланы; я приѣду и заставаю тебя признаться въ преступленнѣ не только родственникамъ твоимъ, но и всѣмъ знакомымъ. Тыг обезчестишь меня; я буду умишь тебѣ опмиснишь, если ты, не взглядишь свой просупокъ присылкою того, въ чемъ я имѣю нужду. Положиси на мою признапельность и искреннюю дружбу. Твай Александръ. Формажъ.»

Венуа! вы знаете почеръ Формажъ?

О. Нѣтъ, судары! я не получаю никогда отъ него писемъ и не видываю его, руки

В. Письма сіи будутъ показаны родственникамъ Формажа и свидѣтелямъ, знающимъ его почеркъ Изъ нихъ видно, что вы повѣрили Формажу тайну вашего злодѣянія, что онъ пользовался сею довѣренностью, чтобъ браться у васъ деньги, и что вы, дабы опивязаться опъ него, завели его въ Версаль и лишили память жизни.

О. Онъ писалъ это, для того чтобъ запугать меня. Я боялся, чтобъ мое семейство не узнало *дѣла*, то есть моихъ сношеній съ нимъ.

В. Сношенія сіи были уже извѣстны вашему семейству. Проспо Формажъ просилъ у васъ денегъ безпрестанно; и вы рѣшились опдѣлаться опъ него въ Версали.

О. Я не способенъ къ подобнымъ вещамъ.

Здѣсь Президентъ напомнилъ показанія Г. Тиріона, Гжи Рено и книгопродавца Валье, изъ коихъ видно, что Формажъ имѣлъ съ обвиняемымъ свиданіе, 21 Іюля 1831 года, въ Пале-Рояль, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ Версаль.

О. Я не видалъ Формажа въ послѣдній пріѣздъ мой въ Парижъ.

В. Вы не ночевали дома въ ночи съ 21 на 22 Іюля. Гжа Лашо, хозяйка ваша, показываесть, что именно эту одну ночь вы не ночевали въ своей квартирѣ.

О. Эту ночь провелъ я съ однимъ неизвѣстнымъ мнѣ молодымъ человекомъ, съ коимъ ходилъ въ спектаклы; послѣ представленія мы заходили въ кофейную, а потомъ гуляли до 5 часовъ утра.

В. Сначала вы сказали Полицейскому Коммисару, что провели ночь у женщины, которой жилища не замѣнили; эту женщину называли вы Юліей; и вопъ почему. Полицейскій, желая васъ узнать, явился въ пражпиръ вашемъ, съ письмомъ опъ женщины, за подписью Юліи П***, въ копоромъ назначалось вамъ свиданіе. Когда увидѣлъ онъ, что приврапникъ вамъ опдалъ записку и что вы ее развернули, то немедленно аресповалъ васъ. Попомъ когда вы спали разсказывапъ басню о женщинѣ, называющейся Юліей, онъ сказалъ вамъ: «вы попались въ обманъ къ Полиціи; имя Юліи еспъ выдумка, на копорую васъ поймали!» Тогда уже вы опвѣчали ему, что припворяпсья болѣе не зачѣмъ, что въ ночи, съ 21 на 22 Іюля, вы гуляли съ молодымъ человекомъ.

О. Я и шеперь шожѣ говорю.

В. Невозможно, чтообъ Формажъ самъ себя убилъ: у него на шеѣ семнадцатъ ранъ, копорыя по свидѣтельспву медиковъ, долженъ былъ онъ наносипъ себя попеременно, по лѣвой, по правой рукой. Хопя по причинѣ преспѣченія дыхательнаго горла онъ не могъ кричапъ, но былъ еще въ соспояніи дойпн до двери, съ намѣреніемъ выдпн. Сверхъ того, если бы онъ самъ себя зарѣзалъ, то было бы найдено орудіе, имъ на по употребленное; но орудія сего не нашли, хопя двери объ были заперты; найдена только бумага, въ копорой по видимому былъ завернупъ бришвенной фушляръ; у васъ оказался такой же фушляръ; въ немъ нашли только одну бришву; гдѣжъ другая?

О. Она изломалась еще въ Вузье.

В. Формажа никто не зналъ въ Версали. Когдажь его привезли въ Парижъ, то Полиція объ имени его и жилищъ было объявлено безыменнымъ письмомъ.

Бенуа, снова заливаясь слезами. Я неспособенъ къ этому. Какая мнѣ нужда убивать Формажа? Если бы онъ зналъ, что я убилъ мать мою, то не пошелъ бы со мною въ Версаль!

През. Въ обвиненіи, что именно я утверждаюсь, что вы хотѣли предупредить Формажа, дабы онъ не исполнилъ угрозы своей, обнаруживъ вашу тайну. Многіе свидѣтели показываютъ, что вы издѣлялись къ Формажу снранную ревность. Сіе послѣднее замѣчаніе долженъ я быть вамъ сдѣлать для вашей же пользы, дабы вы могли опровергнуть на многочисленныя улики, прошивъ васъ предсавленные.

О. Какъ можно думать, чтобъ я завелъ Формажа убить въ Версаль, въ такой домъ, гдѣ меня знаютъ, гдѣ я провелъ однажды ночь съ Дюгепомъ?

За симъ приступили къ допросу свидѣтелей. Г. Гинеръ, лѣкаръ въ Вузъе, объяснилъ о свойствѣ раны, нанесенной Гжѣ Бенуа.

През. Кого подозрѣвали сначала?

Гинеръ. Подозрѣвали брата Фридрихова, Августа; но въ послѣдствіи доказано, что въ день убійства онъ находился въ Реймсѣ.

През. Что слышно было о поведеніи Августа?

Гинеръ. Его обвиняли въ худомъ поведеніи, но не упрекали ни въ чемъ, кромѣ сношеній съ женщинами.

Г. Кремье. Правда ли, что Фридрихъ послѣ операціи, учиненной въ слѣдствіе опасной на головѣ раны, не принималъ ни отъ кого лѣкарства, кромѣ мапері?

Гинеръ. Я этого не знаю; но при сей операціи Гжа Бенуа весьма содѣйствовала намъ, сохраняя присутствіе духа. Она оказывала сыну своему всѣ возможныя попеченія.

Одинъ изъ Присяжныхъ. Какихъ лѣтъ была Гжа Бенуа?

Гинеръ. Около пятидесяти; но здоровье ея было въ весьма короткомъ состояніи.

Г. Сен-Клодъ, хирургъ въ Вузѣ, объяснилъ разныя обстоятельства, послѣдовавшія въ убійствѣ, и то, что убійца долженъ былъ хорошо знать мѣстность дома.

През. Видѣли ли вы деньги и серебро, разсыпанныя по полу?

Свидѣтель. Я не обратилъ на то вниманія, ибо былъ занятъ убійною особою.

През. Слѣдственно вы имѣли менѣе присутствія духа, чѣмъ Фридрихъ, который не занимался маперіею своею, а думалъ только о похищеніи денегъ.

Г. Роландъ, адвокатъ Мецкаго Суда, служившій прежде при Полиціи въ Вузѣ, изложилъ обстоятельства, изъ коихъ также открывалось, что убійца долженъ весьма хорошо знать мѣстность.

През. Не по этому ли подозрѣвали Августа Бенуа?

Роландъ. Нѣтъ. Но отецъ его, прогуливаясь со мною за нѣсколько предъ нѣмъ дней, говорилъ мнѣ:

опѣ Августина все можетъ спастись; я ловилъ его нѣсколько разъ въ воровствѣ; онъ билъ меня и мать; съ нимъ я наживу большія бѣды. По сему первому впечатлѣнію было производимо дѣло.

През. Почему не подозрѣвали Луизы Фёшеръ?

Роландъ. Сначала находили спраннымъ, какъ она не проснулась опѣ шуму; но потомъ разсудили, что въ ея дѣла сонъ бываетъ крѣпокъ.

През. Не говорилъ ли обвиняемый, что онъ видѣлъ бѣжавшую женщину, или переодѣтаго мушкетера?

Роландъ. Говорилъ: но какъ слова его были очень безсвязны, что мы не обратили на нихъ вниманія; ибо думали, что умъ его расстроенъ, по причинѣ операци, учиненной надъ нимъ за 8 или 10 мѣсяцовъ предъ тѣмъ.

Г. Доссеро, Г. Лагульеръ и другіе свидѣтели изъ Вузе показали почти то же.

На другой день, 13 Іюня, спеченіе было также многочисленно. Особенно много было дамъ. Кромѣ отца и старшаго брата обвиняемаго присутствовали еще два его зятя, Нотариусы Департамента Арденскаго, изъ коихъ одинъ украшенъ орденомъ Почетнаго Легіона, полученнымъ за опличіе при Ваграмѣ.

Лабовъ сидѣлъ подлѣ Г. Ше-д'Эсп-Анжа, а на другой скамьѣ находились отецъ и мать Формажо.

Начали допрашивать свидѣтелей, предъ коими проговаривалась Луиза Фёшеръ, во время содержанія ея въ тюрьмѣ Маделонетъ.

Г. Жакмень, хирургъ. Я дѣлалъ ее. Она казалась весьма печальною. На вопросъ мой о причинѣ ея глубокой горести, мнѣ отвѣчали, что она дѣйствительно претерпѣла великія несчастія. Болѣе я не спрашивалъ.

Розалія Діонтъ, двадцатипятилѣтняя швея, показала слѣдующее: »Я находилась съ Луизою Фёшеръ въ Маделонетахъ. Она сказывала мнѣ, что тѣшка ея зарѣзана въ своемъ домѣ, что съ ней тогда была она Луиза и двоюродной братъ ея, а дядя находился въ деревнѣ. Она прибавила, что убійца былъ не братъ ея двоюродной, а одинъ человѣкъ изъ окрестностей.

През. Не объясняла ли она вамъ какихъ либо подробностей?

Розалія. Нѣтъ. Она не сказывала мнѣ даже имени сего человѣка.

През. Не говорила ли она чего нибудь объ украденномъ серебрѣ или золотѣ?

Розалія. Нѣтъ.

През. Знаете ли вы, отчего она была печальна?

Розалія. Она сказывала мнѣ, что ее огорчила встрѣча въ Парижѣ съ однимъ *знакомымъ*.

Фелисите Даміень, сидѣлка въ Маделонетахъ, состоявшая попомъ въ тойже должности при Больницѣ Св. Лазаря, показала, что Луиза плакала день и ночь и, умирая у ней на рукахъ, призналась, что по согласію съ любовникомъ своимъ убила свою тѣшку, дабы взять у ней 600 франковъ.

Одинъ изъ Присяжныхъ. Я желалъ бы знать, говорила ли Луиза Фёшеръ свидѣтельницамъ о томъ, что былъ сей любовникъ?

Фелисите Дамієнь. Нѣтъ.

През. Фридрихъ Бенуа, слышали ли вы сіе показаніе?

Бенуа. Слышалъ.

През. Вы слышали, что Луиза Фёшеръ обвиняла себя и любовника своего, въ убійствѣ своей пешки!

Бенуа. Не знаю, почему это: она была не виновата.

Одинъ изъ Присяжныхъ. Имѣли ли вы короткія связи съ сей дѣвицей?

Бенуа. Никакихъ.

Эме-Досье, другая свидѣтельница, объявила также, что Луиза, предаваясь горести, признавалась ей, что причиною оной было воспоминаніе объ убійствѣ ея пешки, зарѣзанной человѣкомъ, который ее саму обвинялъ, но былъ осужденъ за то къ уплатѣ убытковъ и пропореѣ.

Другіе свидѣтельница, именно: Гжа Тьерсъ съ сестрою, Адель Герино и Сусанна Эсперъ, молодая, прекрасная дѣвочка, двадцати одного года, крайне смѣшавшаяся при объявленіи, что находилась вмѣстѣ съ Луизою въ Маделонетахъ, показали, что Луиза предавалась задумчивости и весьма часто говорила о смерти пешки своей, но ничего на счетъ Фридриха Бенуа.

Нотаріусъ города Нанси Лашассъ, у котораго Фридрихъ жилъ въ качествѣ писца, сообщилъ, что онъ рассказывалъ ему о смерти мапери своей вышеобъясненныя въ обвинительномъ актѣ обстоятель-

ства. Но Грегуаръ, писецъ Лашасса, объявилъ напропивъ, что ему Фридрихъ рассказывалъ о смерти мапери своей обстоятельствомъ чрезвычайныи и совершенно неправдоподобныи.

През. За чѣмъ говорили вы такую ложь?

Бенуа. Чпобъ опвязапсья онъ вопросовъ, кончинъ надобдали.

Шлегель, другой писецъ, объявилъ, что Бенуа спарался обратипъ подозрѣнiя на Лабова, при коемъ, говорилъ онъ, мапъ моя имѣла неоспорожностъ класпъ золото въ ящикъ. Онъ прибавилъ, что въ пѣлѣ мапери его нашли вопкнушой ножъ, необыкновенной формы.

Бенуа. Я говорилъ только, что Лабовъ опдавалъ, не за долго предъ умерщвлениемъ мапери моеи, почитпъ ножъ, котораго послѣ у него не нашли.

Сверхъ того, Шлегель и Грегуаръ объявили, что Фридрихъ издерживалъ много золотыхъ денегъ; равно какъ Г. Дидье, часовщикъ, Гжа Моро порппреписпка и Г. Банкъ сапожникъ изъ Нанси.

Г. Тасси, одинъ изъ наспопшелей игорнаго дома подъ N 129 въ Пале-Рояль объявилъ, что обвиненный выигралъ однажды 800 фр. а на другой день еще 4000, но тогда же опипъ ихъ проигралъ, увеличивая куши.

Г. Мате-Дюбрейль показалъ, что онъ продалъ Фридриху часы, 12 Юля 1831 года; а черезъ день или черезъ два попомъ видѣлъ его опипъ и онъ сказалъ ему, что опправляется въ Версаль.

Бенуа. Я не ходилъ тогда въ Версаль.

Пренія относительно матерееубійства заключились показаніями многихъ свидѣтелей, предсавленныхъ Фридрихомъ для своего оправданія.

Г. Матъе, Слѣдственный Судья, объявилъ, что имъ найденъ былъ деревянный крюкъ, посредствомъ котораго убійца могъ отккрыть окно и проникнуть извнѣ въ домъ Гжи Бенуа.

Лабовъ вспалъ и съ жаромъ началъ жаловаться, что ему не былъ показанъ крюкъ сей.

Г. Матъе. Утверждаю, что всегда, когда имѣлъ я надобность говорить съ Лабовомъ, я упоминалъ объ этомъ крюкѣ.

Здѣсь Г. Кремье, защитникъ Фридриха, хотѣлъ завести преніе о характерѣ и поступкахъ Лабова, съ намѣреніемъ доказать, что онъ не достоинъ быть въ числѣ доносчиковъ и что свидѣтельство его не заслуживаетъ вѣроятія; но Президентъ прекратилъ сіе преніе, какъ не принадлежащее къ настоящему дѣлу.

Когда свидѣтели касательно матерееубійства были допрошены, то Судъ отложилъ до завтра допросъ свидѣтелей объ убійствѣ Формажа. На другой день, Г. Нобль, Докторъ Медицины въ Версали, объяснилъ о ранахъ, нанесенныхъ Формажу, о невозможности самоубійства, о слѣдахъ доказывающихъ, что убійца вытиралъ орудіе свое и мылъ руки; что у Фридриха оказалась на колѣнѣ царапина и когда его заставили положить колѣна на диванъ; то царапина сія нашлась въ соотвѣстственности съ перекладиной дивана; о бумагѣ, въ которой былъ завернутъ брит-

венной фуфляръ, о порѣзахъ, оказавшихся на рукѣ обвиняемаго, и о прочемъ, что уже выше изложено.

Г. Ше-д'Эсп-Анжъ. Объяснилъ ли Бенуа, отъ какихъ причинъ произошли порѣзы на рукахъ его?

Г. Нобль. Онъ сказалъ, что одинъ изъ нихъ получилъ, закрывая окно, а другой, садясь въ карешу.

Бенуа. Я сказалъ, что порѣзъ на большомъ пальцѣ былъ у меня еще въ Вузье, но я развередилъ его, опламывая желѣзо отъ окна.

Г. Нобль. Мнѣ кажется это невѣроятно: края порѣза были очень ровны и происходили повидимому отъ орудія весьма остраго.

Одинъ изъ Присяжныхъ пожелалъ, чтобы у лекаря города Вузье, Г. Ганьера, спросили, могла ли Гжа Бенуа, когда ей нанесли ударъ, кричать.

Г. Ганьеръ. Дыхательное горло у ней было перерѣзано: она могла произвести только легкое хрипѣнье.

През. Могъ ли обвиняемый, ежели онъ спалъ, слышать сіе хрипѣнье?

Г. Ганьеръ. Ежели спалъ, не могъ.

Бенуа. Я всегда говорилъ, что въ эту минуточку я не спалъ.

Г. Ренаръ, Доклаторъ Медицины въ Версали, объяснилъ тоже, что и Г. Нобль.

През. Бенуа, узнаете ли вы сей диванъ?

Бенуа (поспѣшно, но съ твердостью). Нѣтъ.

На него надѣли рединготъ, жилетъ и галстукъ въ кошорыхъ онъ былъ 21 Іюля минувшаго года.

Когда онъ снова вошелъ въ залу присущсптвiя, то Г. Шевре, винопродавецъ въ Версали, на улицѣ Помпъ, объявилъ, что 21 Юля, въ 11 часовъ вечеромъ, пришли къ нему два молодые челоуѣка и просились ночевать. Онъ отвелъ ихъ къ Вуазенку; тогда былъ дождикъ: одинъ изъ молодыхъ людей ссудилъ его своимъ зоншикомъ.

През. Можете вы узнать сихъ молодыхъ людей?

Шевре. Одного узналъ я въ лицѣ убившаго въ госпинициъ Бани, другой—(указывая на Фридриха)—вошъ онъ!

Бенуа (съ живоспию и пвердымъ голосомъ). Нѣтъ не я!

Шевре. На немъ былъ жилетъ желтой, не шакой, какъ теперь.

По приказанiю Президенна вынули изъ чемодана Фридрихова желтой жилетъ, который онъ пошчасъ надѣлъ.

Шевре. Это онъ самый.

Бенуа. Упверждаю, что вы ошибаетесь; я не былъ у васъ.

През. Узнаете ли вы его по голосу?

Шевре. Онъ говорилъ шакже громко, какъ и теперь.

Бенуа. Обыкновенно говорю я очень тихо, но теперь возвышаю не много голосъ.

Г. Кремье. Пили ли что нибудь у васъ эти молодые люди?

Шевре. Пили вино.

Бенуа. Я никогда не пью вина.

Г. Кремье. Г. Ганьеръ (лѣкарь въ Вузье) вѣроятно помнитъ, что послѣ операціи, учиненной Фридриху, ему было запрещено вино.

Г. Ганьеръ. Это правда: но я не знаю воздерживался ли обвиняемый.

Венуа. Гг. Доссеро и Пинпаръ, думаю, не забыли, что я не пилъ никогда вина.

Гг. Доссеро и Пинпаръ, будучи спрошены, не объявили ничего на сей счетъ положившагося.

Г. Кремье. Какаго цвѣта имѣлъ онъ волосы?

Шевре. Черные завивые.

Жена Шевре показала тоже, что и мужъ ея, но она не такъ замѣтила молодыхъ людей, чтобы могла узнать ихъ.

Вуазень объявилъ, что къ нему приходили два молодые человека въ 11 часовъ вечера; онъ предложилъ имъ двѣ особенныя комнаты во вѣпоромъ этажа, но они пожелали лучше ночевать въ прешьемъ за 30 су. Одинъ изъ нихъ казалось не довѣрялъ другому и требовалъ особенной комнаты. На другой день ушли они въ 7 часовъ утра.

През. Узнали ли вы того, кошорый зарѣзанъ?

Вуазень. Я узналъ его по плащю.

През. Узнаете ли вы обвиняемаго?

Вуазень. Нѣтъ. Я съ нимъ почти не говорилъ.

Жена Вуазеня показала тоже.

Жоберъ, хозяинъ гостиницы Бани, объявилъ, что узнаетъ обвиняемаго, что онъ опдыхалъ у него упромъ 22 Іюля, вышедъ опъ Вуазеня, у коего ему и его поварищу клопы препяпспивовали спать.

През. Вы объявили сначала, что не узнаете его?

Жоберъ. Въ первой разъ, явившись къ Следственному Судьѣ, былъ я очень разстроень, такъ что когда сошелъ выпить спаканъ воды, меня надлежало веспи. Въ другой разъ я узналъ его, но не сполько по плащю, какъ по голосу и лицу. Онъ былъ и прежде у меня и ночевалъ съ другимъ молодымъ человекомъ.

Бенуа. Это въ Матъ; я былъ точно съ Дюгепомъ.

Жоберъ. Я нѣжю еще объясниль одно обспояпельспво, о которомъ прежде забылъ: за пять или за шесшь дней предъ убійспвомъ, обвиненный былъ у меня и требовалъ комнапы; на немъ былъ тогда редингопъ, цвѣща губки, съ карманами на бокахъ.

Бенуа. У меня никогда не было редингопа съ карманами на бокахъ.

Жамберъ порпной объявилъ, что онъ не пилъ для Бенуа никакого плащя, кромъ того, въ коемъ онъ явился къ суду.

Президенпъ у жены Жобера. Узнаете ли вы обвиняемаго?

Жена Жоберъ. Я не узнаю его спереди, но сзади; ибо у него одно плечо выше.

През. Дѣйспвипельно доказано, что у него правое плечо выше лѣваго.

Маргарита Буланъ, приврапница въ гостинницѣ Бани, рассказала извѣспныя уже обспояпельспва пребыванія молодыхъ людей въ Версали. Она прибавила, что узнаешъ Бенуа, но что волосы у него тогда не были такъ черны, какъ теперь; они были пемнорусые, и онъ завивалъ ихъ безпрестанно пальцами, что показалось ей очень смѣшно.

През. Замышляла ли ты, что у него одно плечо выше?

Маргарита. Нѣтъ, я помню только, что рединготъ былъ на немъ заспегнутъ до верху.

През. Следственный Судья свидѣтельствуешь, что при верхняхъ пуговицахъ редингота, въ кофюротѣ теперь обвиняемый, никогда не застегивались.

Маргар. Утверждаю, что рединготъ былъ заспегнутъ до верху.

Кремье. Не долгіе ли волосы имѣлъ молодой человекъ?

Маргар. Очень долгіе.

Сомме, слуга изъ гостиницы Бани, объявилъ, что не узнаетъ обвиняемаго.

Элеонора Буданъ, прачка гостиницы Бани, узнала Бенуа; онъ былъ по словамъ ея въ эпоху гостиницы 26 Мая съ Дюгепомъ; волосы у него были не черные, а темнорусые, весьма густые.

Бенуа. У меня волосы всегда были черные.

Г. Кремье. Это семейственный цвѣтъ. (Дѣйстви-тельно замыслили, что у старшаго брата Фридрикова, волосы были ярко-черные).

През. Бенуа! изъ слѣдствія явствуешь, что вы водили Дюгепа въ улицу Вивіенъ къ парикмахеру, который красилъ ему волосы въ черной цвѣтъ?

Бенуа. Но парикмахеръ объявилъ, что мои волосы не были крашены.

Одинъ изъ Присяжныхъ. Надлежало бы спросить у парикмахера, можно ли красить черные волосы въ русые.

Генерал - Адвокатъ. Онъ объявилъ, что это совершенно невозможно; но обвиняемый могъ надѣть парикъ.

Элеонора. Не замѣтно было, чтобы на немъ былъ парикъ.

През. Бенуа, вы иногда переодѣвались; у васъ найдены поддѣльные усы?

Бенуа. Я носилъ ихъ, чтобы казаться сипарѣ; ибо по причинѣ молодости меня не пускали въ игорной домъ подъ N 113 въ Пале-Рояль.

Маленькой Левассеръ, служащій мальчикомъ у пирожника Древень, объявилъ, что, въ послѣднихъ числахъ Юля, Бенуа былъ у него въ лавкѣ; волосы его тогда были блонкураго цвѣта.

Г. Феликсъ Луазелье показалъ, что зналъ Бенуа въ Реймской Семинаріи. Онъ видѣлъ его 23 Юля 1831 года вечеромъ, а 24 завтракалъ съ нимъ.

Ше-д'Эсп-Анжъ. Какаго характера былъ онъ въ Семинаріи?

Луазелье. Когда разсердись грозилъ онъ поварищу прибить его, что можно было быть увѣрену, что сдержитъ свое слово.

Бенуа. Это ложь.

Луазелье. Однажды вы продали за 13 су одному ученику ящикъ красокъ, который вамъ спонялъ 12 су; когда онъ не хотѣлъ плащить, что вы его прибл.

Прочіе свидѣтели, въ томъ числѣ маишъ Формжа, дали показанія опчаспи не касающіяся сущности дѣла, опчаспи уже извѣспныя.

Юня 15, выпребованы были для опобранія пояснительныхъ свѣденій, Г. Мишалонъ парикмахеръ, и знаменитый Докторъ Орфила.

Начались распросы съ Мишалона.

През. Извѣспны ли вамъ способы подкрашивать волосы различными цвѣтами?

Г. Миш. Извѣспны многіе.

През. Можно ли волосы совершенно черные перекрасить въ бѣлокурые или въ каштановые?

Г. Миш. Нѣтъ, сударь! Я никогда не слыхиваю ни о чемъ подобномъ, Можно сдѣлать черные волосы нѣсколько рыжеватыми. Бѣлокурые волосы легко перекрасить въ черные или въ свѣтло-каштановые; но черные не могутъ совершенно перемѣнить цвѣта. Разсмапривая обвиняемаго, я нахожу, что его волосы можно сдѣлать еще темнѣе, но свѣтлѣе, по моему, не возможно.

Г. де Берни, Совѣтникъ. Волосы обвиняемаго довольно густы. Не находите-ль вы возможнымъ надѣть ему парикъ шакъ искусно, что съ перваго взгляда можнобъ было счестъ эпотъ парикъ еспешпвенными волосами?

Г. Мишалонъ (посмотрѣвъ внимашельно на обвиняемаго). Эпо очень можно.

Явился Г. Орфила.

През. Не знаете ли вы способа перемѣнять цвѣтъ волосъ?

Г. Орф. Знаю. Можно перекрашивать кашпановые и бѣлокурые волосы въ черные, равно какъ черные въ бѣлокурые, рыжіе и кашпановые.

През. Употребляются ли парикмахерами эти способы?

Г. Орф. Не знаю, употребляются ли: но они есть. Способы сіи основываются на химическихъ свѣденіяхъ, которые парикмахерамъ едва ли извѣстны; но какъ я не дѣлаю шайны изъ дѣла науки, то готовъ объяснить, какъ можно это дѣлать. Есть для того два способа: одинъ, основанный на понятіяхъ химическихъ; другой, на составѣ самыхъ волосъ. Химическій способъ чернить волосы состоитъ въ приведеніи ихъ въ соприкосновеніе съ растворомъ висмутнаго серебра, ртути, или съ окислами сихъ металловъ. Эти окислы, соединенныя съ сѣрнымъ водородомъ, производятъ черный цвѣтъ. Можно также для сего употреблять помаду, называемую меленокомъ; она состоитъ изъ жира и Голландской сажи; ею можно намазывать волосы; но это сопряжено съ нѣкимъ неудобствомъ, что помада скоро расплывается и мараешь воротники сорочекъ и манишекъ. Что касается до способа превращать черные волосы въ бѣлокурые, кашпановые или даже вовсе сѣдые, то онъ очень простъ: состоитъ только употребивъ растворъ хлора, болѣе или менѣе разпущеннаго въ водѣ. Чѣмъ гуще хлоръ, тѣмъ дѣйствіе будетъ скорѣе; только это можетъ причинить головную

Болъ. Если время перепишъ, то должно хлоръ распустить въ водѣ какъ можно жиже: тогда, черезъ нѣсколько дней, волосы посвѣтлѣютъ. Когда надобно рыжіе волосы окрасить въ бѣлокурые, то спонить просто только вычесать ихъ гребнемъ, обмокнутымъ въ алкоголь. Рыжій цвѣтъ волосъ зависитъ отъ нѣкотораго рода масляности, которую алкоголь уничтожаетъ. Уже пятнадцать лѣтъ занимаюсь я сими опытами, увѣренный, что могу въспрѣишья дѣла, гдѣ подобные случаи будутъ имѣть мѣсто. Сегодня по утру, узнавъ изъ журналовъ предметъ, по которому я буду приглашенъ въ судъ, я запасся разными образчиками. Вотъ волосы, которые были совершенно черные, а теперь сдѣлались каштановыми; на другомъ образчикѣ, они еще свѣтлѣе; на третьемъ, еще свѣтлѣе; и наконецъ вотъ, гдѣ сдѣлались совершенно бѣлыми.

През. Много ли попребно дней, чтобы чернымъ волосамъ, подкрашеннымъ такимъ образомъ, возвращить опять ихъ естественный цвѣтъ?

Г. Орф. Весьма не много; даже можно сдѣлать это въ одну минуту, наперши селитроокислымъ серебромъ, помадою изъ окисленнаго свинца или сосставовъ изъ мѣла и негашенной извести.

Г. Формажъ, офицеръ линейнаго полка, старшій братъ Александра, умерщвленнаго въ Версали, былъ выслушанъ послѣднимъ изъ свидѣтелей. Онъ показалъ, что, во время пребыванія его въ Камбре, братъ, прѣхавъ къ нему съ обвиняемымъ, обнаружилъ ему подозрѣнія на счетъ Бенуа, который, по сло-

вамъ его, видалъ по ночамъ спрашйные сны и говорилъ о убійствѣ своей матери, какъ будтобы онъ или кто-нибудь изъ его семейства былъ виновникомъ сего злодѣянія.

През. Не можете ли вы вспомнить подробностей?

Г. Форм. Братъ мой говорилъ мнѣ, что Бенуа спалъ очень безпокойно и во снѣ обвинялъ себя не рѣдко въ умерщвленіи матери. Когда потѣ послѣ изъяснялъ ему свое удивленіе, по получая въ отвѣтъ: «это такъ—во снѣ!»

Бенуа. Я никогда этого не говаривалъ.

Наконецъ Г. Ше-д'Эсп-Анжъ, адвокатъ испещвъ, началъ свою рѣчь. Онъ вошелъ въ матерію изображеніемъ ужасной сцены, происшедшей въ Версали, 22 Іюля. Перешедши потѣ къ взятію Бенуа подъ спражу, онъ съ особенною силою обратился на безчувственностъ, оказанную обвиняемымъ, когда онъ, приведенный на мѣсто, гдѣ дымилась еще кровь его друга, съ нееспешивеннымъ хладнокровіемъ просилъ пить и напился.

Здѣсь Президентъ замѣнилъ, что обстоятельство сіе не находится въ пропоколѣ слѣдствія, дѣланнаго Полицейскимъ Комисаромъ, Г. Ноэлемъ. Послали за Комисаромъ. Между тѣмъ Г. Ше-д'Эсп-Анжъ предложилъ снова допросить свидѣтелей. Хозяинъ, слуга и служанка госпинницы, гдѣ было совершено убійство, подтвердили сіе обстоятельство.

Адвокатъ синалъ продолжалъ свою рѣчь. Съ ясносію, въ порядкѣ и съ жаромъ, онъ излагалъ всѣ подозрѣнія, обвинявшія Бенуа. Черновое письмо Формажа, гдѣ содержнлся угроза открытъ тайну, привело его

къ умерщвлению Гжи Бенуа. Здѣсь онъ коснулся подозрѣній, павшихъ на Лабова, спараясь показанъ ихъ неосновательность и доказывая, что онъ были внушены и поддерживаемы недоброжелательствомъ къ нему, какъ либералу. Потомъ обратился къ поведенію Бенуа въ ужасную ночь преспуленія. Кромѣ невозможности проникнуть убійцѣ снаружи дома, онъ обратился и здѣсь вниманіе на неспешивенную холодность, оказанную Бенуа въ это время. «Несчастный!» воскликнулъ онъ, обращаясь къ Бенуа: «умерщвленная мать его можетъ быть еще дышетъ. . . а онъ и не думаетъ ее видѣть!»

Бенуа, который, во все продолженіе рѣчь, разливался въ слезахъ и выпускалъ глухіе стоны, при слухѣ словахъ зарыдалъ громко. Адвокатъ прервалъ свою рѣчь.

През. Бенуа! Я прекращаю аудіенцію!

Бенуа (испуская ужасные крики). Нѣтъ! я не виноватъ! Это не я!

Спаршій братъ его бросился къ нему, схватилъ его въ свои объятія и вскричалъ: Нѣтъ! это не онъ!

Бенуа отецъ (обнимая обоихъ сыновей и сжимая руки обвиняемаго). Успокойся, сынъ мой! Мы знаемъ, что ты невиненъ!

Бен. Нѣтъ! это не я.

Спаршій братъ. Это не онъ! Это не онъ!

Сцена была ужасная: у зрителей глаза наполнились слезами. Президентъ объявилъ аудіенцію прекращенною и приказалъ дать нужныя пособія Бенуа. Между тѣмъ явился Комисаръ Полиціи, Г. Ноэль, который показалъ, что Бенуа точно просилъ пить

и напился въ Версали, но не помнишь, въ той ли именно комнатѣ, гдѣ совершилось убійство. Аудіенція возобновилась. Обвиняемый продолжалъ рыданья изрѣдка, закрывъ лице плащкомъ, съ судорожными попрысканіями.

Адвокатъ продолжалъ свою рѣчь исчисленіемъ прочихъ обвиненій и заключилъ наконецъ обращеніемъ къ обвиняемому:

»Вы умертвили Формажа! Вы умертвили его, чѣмъ скрыли ваше первое злодѣяніе. Вотъ чѣмъ долженъ былъ я обнаружить, не изъ постыдной злобы или корысти, а для того, чѣмъ возстановить честь Лабова, такъ несправедливо обвиненнаго, и обвиненнаго самымъ виновникомъ злодѣянія!»

»Вотъ обязанность, которую принялъ я съ ужасомъ, но исполнилъ безъ пренебреженія!»

»Сіе ужасное зрѣлище содержитъ въ себѣ урокъ для насъ важный и поучительный. Не только голосъ изсякаетъ повсюду сіи безчисленные рассказы: они терзаютъ, рвутъ сердце! Помышляя о убійцахъ, о той безнаказанности, подъ коею они такъ долго скрывались, о томъ ужасномъ предубѣжденіи, которое, покровительствуя виновнымъ, готово было разразиться надъ невиннымъ; видя сіе спрашиваемъ: шоржество преступленія, сію глубокую бездну уничиженія человѣческаго, мудро ли пагубному сомнѣнію овладѣть нашими душами, мудро ли спутаться и превратиться всѣмъ нашимъ понятіямъ о нравственности, о добродѣтели, о Провидѣніи?»

«Но не будемъ сляпцами! Въ жребіи, предназначенномъ каждому изъ дѣйствовавшихъ въ сей ужасной драмѣ, признаемъ поржественное знаменіе правосудія небеснаго!»

«Преслѣдуемый ужасными подозрѣніями, испытанный ужасными бѣдствіями, Лабовъ наконецъ обрываетъ правду: его невинность поржествуетъ!»

«Луиза увлеченная злодѣемъ, котораго любила, сдѣлалась орудіемъ спрашнаго пресупленія: она помогла совершенно маперубійства. Говорятъ, что ея преступленіе оспалось ненаказаннымъ! Ахъ! не забудьте ея медленной пытки, ея ужасныхъ мукъ! Подумайте о ея спраданіяхъ, о дняхъ проводимыхъ безъ покоя, о ночахъ безъ утѣшительнаго сна! Подумайте о спрашныхъ привидѣніяхъ, непресанно окружавшихъ одръ ея! Какъ угрызенія приводили въ шрепеніе самыхъ подругъ ея, бывшихъ свидѣтельницами послѣднихъ ея минушъ! Сія минушы были ужасны! Она умерла не на эшафотѣ, можетъ быть пошому, что была не сполько виновна, сколько слаба!»

«А Формажъ! Онъ пораженъ рукою нмѣ любимому, палъ жертвою пагубной тайны, которая была ему довѣрена. Опецъ и мать! Вы теперь плачете. Жизнь его не была безукоризненна: ибо онъ успунилъ оболщенію порока. Но смерть поразила его за пресупленія, въ которыя развратъ долженъ былъ вовлечь его раньше или позже. Онъ палъ жертвою адскаго благоразумія человека, который въ послѣдствіи могъ бы обезпечить его молчаніе, не перерывавъ ему горло, а запяпшавъ его руки кровью, дабы вмѣстѣ съ собою обречь эшафоту!»

»И шакъ, ММ. ГГ. не дерзнемъ обвинять Провидѣнія, которое замедлило казнь преступника, дабы, умножить свидѣтельствъ его злодѣяній, представить намъ поразительнѣйшій, тѣмъ ужаснѣйшій примѣръ правосуднаго возмездія!»

Г. Легоррекъ, Генерал-Адвокатъ, объявилъ, что послѣ краснорѣчивой рѣчи защитника испивъ, ему не остается ничего прибавить противъ обвиняемаго и что онъ предоснавленъ себѣ отвѣчать на рѣчь, которая будетъ произнесена въ его защиту.

Тогда Г. Кремье, адвокатъ обвиняемаго, вышелъ на нѣсколько минутъ для приведенія въ порядокъ своихъ мыслей, возвратившись сопровождаемый членами семейства Бенуа и объявилъ, что готовъ разсѣять подозрѣнія, скопившіяся надъ его кліентомъ. Бенуа, въ продолженіе его рѣчи, находился въ глубочайшемъ изнеможеніи. Опрокинувшись на своей скамѣ, онъ лежалъ почти безчувственный, едва дыша, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ.

Г Кремье испощилъ всѣ усилія доказать неможивность столь ужаснаго злодѣянія, со стороны молодого человека девятнадцати лѣтъ, въ отношеніи къ матери, которая питала его своимъ молокомъ и еще недавно съ такою попечительностью ходила за нимъ въ ужасной болѣзни. Потомъ спарался доказать основательность подозрѣній, возникшихъ противъ Лабова.

»Никогда» — говорилъ онъ — «никогда можетъ быть уголовное дѣло не сопровождалось уликами, болѣе важными, какъ дѣло Лабова въ Судѣ Мезьерскомъ. Умерщвленіе Гжи Бенуа совершено было орудіемъ острымъ, съ ужасною ловкостью. Но Лабовъ мясникъ

по ремеслу, за неделю до иреспубликанска, онъ вынулъ ножъ длиною въ десять дюймовъ, который не извѣстно куда дѣвался. Лабовъ съ шакитъ искусствомъ былъ скопину: онъ хвастался предъ свидѣтелями, что можетъ рѣзать живописныхъ знакъ ловко и правильно, что кровь не брызнется и ножъ почини не замарается кровью!»

—Говорить теперь о невозможности проникнуть убійцу въ домъ Бенуа снаружи. Но въ продолженіе шестидесяти мѣсяцевъ думали совершенно противоположное, полагали достовернымъ, что убійца не могъ находиться внутри дома. Посему присяжные Арденскаго Суда раздѣлились на равное число голосовъ; и Лабовъ сложилъ бы на знаменіи свою голову, еслибы седьмой присяжный, который сначала его осуждалъ, не перемѣнилъ своего мнѣнія. Этотъ присяжный былъ семидесятилѣтній старикъ, который въ послѣдній разъ исполнялъ сію тяжкую обязанность.»

Берни, Совѣтникъ. Вы не можете входить въ подобныя подробности.

През. Вы не должны открывать того, что могло происходить въ совѣщаніи присяжныхъ.

Адвокатъ дошелъ попомъ до прагматической сцены въ Версали и спарался оправдать своего кліента противорѣчіемъ обвиненій, основываемыхъ по на его безчувственности, по на несвязности его рѣчей, какъ будто бы въ подобномъ положеніи легко сохранить голову и не поперяться.

—Лабовъ признается, и никто не находить того удивительнымъ, что онъ поперялъ голову во время процесса и что, въ слѣдующіе сей расперянности

ума, писалъ безмянныя письма, сдѣлавшіяся для него такъ пагубными. Если вы допускаете подобное смущеніе въ Лабовѣ, то допустите его и въ Бенуа; и потомъ, не противорѣчите сами себя, упрекая его, что онъ въ другихъ обстоятельствахъ не показывалъ смущенія.»

Послѣ сихъ предварительныхъ понятій, Г. Кремье объявилъ, что не будетъ слѣдовать порядку своего прошивника, который превратилъ естественный ходъ обвиненія. Хронологическій порядокъ требовалъ начать съ пресуппозитіи совершеннаго въ Вузье, а не съ Версальскаго, которое случилось позже.

Здѣсь онъ вошелъ въ весьма пространныя объясненія; и разными оспроумными соображеніями старался доказать не только слабость подозрѣній, возникшихъ противъ Бенуа, но даже совершенную ихъ неимовѣрность.

Засѣданіе было прекращено.

Юня 16, Г. Легоррекъ, Генерал-Адвокатъ, Помощникъ Генерал-Прокурора, открылъ послѣднее засѣданіе рѣчью, въ коей опровергнулъ всѣ защищенія обвиняемаго.

Бенуа, въ началѣ засѣданія сохранявшій спокойствіе, къ концу повергся снова въ изнеможеніе. Аудіенція была прервана. Старшій братъ обвиняемаго схватилъ его въ свои объятія, умоляя ободриться.

Г. Кремье снова оповѣстивовалъ на рѣчь Генерал-Адвоката.

Засѣданіе продолжалось до глубокаго вечера. Наконецъ Президентъ изложилъ вкратцѣ содержаніе преній.

Въ одиннадцатъ часовъ вечера, присяжные объяви-

ли, по всемъ пужають, Фридриха Бенуа виновнымъ въ махереубійствѣ и убійствѣ.

Между тѣмъ какъ Судъ разсуждалъ о наказаніи и о назначеніи пропореѣ и убытковъ, требуемыхъ родителами Фориажа, обвиненный, въ ужасныхъ конвульсіяхъ, кричалъ, поражая себя въ грудь: «Бапюшка! я не виноватъ! Господа присяжные! я не виноватъ!»

Четверо солдатъ едва могли выптащить его изъ залы, во время совѣщаній Суда. Въ сосѣдней комнатѣ, онъ продолжалъ кричать:

«О мапушка! сойди съ неба и оправдай меня! Она знаетъ, что я по не я!»

Судъ, черезъ четверть часа, велѣлъ ввести Бенуа и объявилъ, что онъ осуждается къ казни опщереубійцы, что если, быль опведеннымъ на эшафотъ въ одной рубашкѣ, съ босыми ногами и головою, покрышою чернымъ покрываломъ.

(J. d. D.)

VII

ГЕРЦОГИНЯ БЕРРІЙСКАЯ.

Въ журналахъ Французскихъ повпоряется изреченіе дѣвицы де Керсабьекъ, взяшой вмѣстѣ съ Герцогинею Беррійскою, что «еслибы *Марія Луиза имѣла въ половину предприимчивости и твердости противъ матери Генриха V, то Герцогъ Рейхштадскій не умеръ бы въ Шенбруннѣ.*

Въ самомъ дѣлѣ, Герцогиня Беррійская во время спранспровованія своего по западу Франціи, показала столько опважності и самоопроверженія, что нель-

за не ожиданъ справедливости ея характеру. Исторія ея, не состоятъ еще извѣстная, извѣсть всю прелесть романа.

По достовернымъ извѣстіямъ открыто, что Принцесса, опшравившись изъ Массы, послѣ неудачнаго покушенія пронавестъ возстаніе въ Марсели, вышла на берегъ въ Сюпангъ, съ Г. де Кергорле, Экс - Перомъ Франціи, и другими спутниками. Отсюда, въ сопровожденіи только трехъ особъ, она успѣла, избѣгая всѣхъ преслѣдовацій Полиціи, пробравшись, чрезъ крупныя горы Департаментна Варскаго, ио прыжкомъ, по верховъ на мулъ, до границъ Сардинскихъ, гдѣ таможенные приспавы, не зная ея, пропустили безъ всякаго запруденія.

Вызванная снова во Францію писемми ролжисновъ, Герцогиня возвратилась и скрывалась нѣсколько дней въ Верхнемъ Провансѣ, въ домѣ одного дворянина, приверженнаго къ старой династіи. Сей послѣдній, хотя былъ опцомъ многочисленнаго семейства, взялся быть ея проводникомъ по всей Южной Франціи, пока достигши Ванден, погибъ наконецъ въ пожарѣ Пеннсьерскомъ.

Подъ руководствомъ его и еще двухъ усердныхъ приверженцевъ, Герцогиня, переодѣтая молодымъ рыбакомъ Провансальскимъ, прибыла вскоре въ Департаментъ Успья Роны, гдѣ отдыкала два или три дня въ одномъ замкѣ близъ Арля. Здѣсь подъ предѣшательствомъ Бурмона держанъ былъ совѣщъ, въ комъ рѣшено, чтобъ Принцесса опшравила въ Вандею.

Отсюда Герцогиня продолжала свой путь съ большою смѣлостію, въ каретѣ, сопровождаемой двумя всадниками, въ платьѣ своего пола, только подъ

большимъ зеленымъ покрываломъ. Такимъ образомъ она прошла Департаментъ Ушья Роны, часть Департамента Гардскаго, и остановилась близъ Сомьера, въ окрестностяхъ Монпелье. Это было въ началъ Мая.

Смѣлосць ея безпрестанно увеличивалась. Среди бѣлаго дня прошла она чрезъ Монпелье и, оставивъ вправо Тулузскую дорогу, снова остановилась въ деревушкѣ Вильнев-ле-Магелонъ; между моремъ и дорогою въ Сентъ. Отсюда она отправилась къ озеру То, переплыла чрезъ него въ рыбацкѣмъ челнокѣ и вышла на берегъ въ Мезъ, небольшой пристани Департамента Эро, населенной одними рыбаками. Здѣсь ожидала ее почтовая коляска, которая довела ее до Каркассона. Остановившись не много въ сельскомъ домикѣ, неподалеку отъ города, она продолжала путь свой до Тулузы, гдѣ проведши нѣсколько дней, пустилась далѣе.

Такимъ образомъ, путешествуя, по большими дорогами, по проселкамъ, она прошла Гвиенну, Лимузенъ, Пуату, и должна была достигнуть окрестностей Нанта въ послѣдней половинѣ Мая.

Много романическихъ подробностей разсказываютъ о средствахъ, коними она проникала въ Нантъ. Однажды, переодѣтая крестьянкою, въ сопровожденіи дамы, также переодѣтой, Герцогиня шла въ городъ босая, держа въ рукахъ свои полные башмаки, которые наперли ей ноги; на мосту встрѣтилась съ ними насмѣшная крестьянка, которая просила ихъ помочь ей поднять корзину весьма тяжело нагруженную, что и было исполнено обими спранными, во избѣжаніе всякаго подозрѣнія. Въ другой разъ, ее внесли въ городъ въ вѣзани сѣна. Разъ

одинъ Нанискій жишель узналъ ее въ толпѣ народа, въ плащѣ Сесипры Милосердія, и сказалъ ей шутливо: *»вы очень неосторожны!«*

Вѣроятно, тайна пребыванія ея въ окрестностяхъ Нанша, хотя давно уже подозрѣваемая правительствомъ, долго не обнаружилась бы безъ предательства. Она продана была Стефаномъ Гонзагомъ Дейцомъ, Жидомъ, родомъ изъ Кельна, крестившимся въ Римѣ 1826 года. Жидъ сей, племянникъ Верховнаго Раввана, долго былъ агентомъ Герцогини. Его шуринъ, по имени Дракъ, находился при особѣ Герцога Бордосскаго, что и доставило ему средства пріобрѣсти довѣренность Герцогини. По ея порученіямъ, онъ ѣздилъ въ Франкфуртъ, въ Римъ и въ Лиссабонъ къ Дону Михаилу. Отсюда, съ письмами къ Герцогинѣ, онъ ворочился прямо въ Парижъ, гдѣ спорговался, какъ увѣряютъ, за миллионъ, предать свою покровительницу. Въ Наншѣ уже посланы были извѣстія о его измѣнѣ. Но Герцогиня не повѣрила имъ. Деицъ былъ принятъ ею въ домъ дѣвицы Дюгиньи и, пробывъ у ней нѣсколько минутъ, далъ знать Полиціи, что *она садится за столъ.*

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Декабря 17 дня, 1832 года.

Ценсоръ *Н. Лазаревъ.*

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.